

Наследие

Хождение за три моря — и путешествие через века

Доселе Географы не знали, что честь одного из древнейших, описанных европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века. <...> оно [путешествие] доказывает, что Россия в XV веке имела своих Тавернье и Шарденей, менее просвещенных, но равно смелых и предприимчивых; что Индийцы слышали об ней прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время как, Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш Тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара...

Н.М. Карамзин. История государства Российского¹

Когда купец Афанасий Никитин более чем пять веков тому назад, так и не добравшись до родной Твери и предчувствуя близкую кончину, писал под Смоленском на Литовской Руси свое «Хождение за три моря», он, конечно, не предполагал, какое благое дело сотворит для истории Государства Российского.

Первым «Хождение» открыл для России в 1817 году Н.М. Карамзин, о чем А.Ф. Малиновский² написал: «Сия любопытнейшая статья о первом известном путешествии из России в Индию доставлена мне от историографа г. Ка-

¹ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VI. СПб., 1842. С. 226–228.

² Малиновский Алексей Федорович (1762–1840) – сенатор, главный управляющий Московским архивом Коллегии иностранных дел, член Императорской академии наук, председатель Общества истории и древностей российских.

В.А. Тропинин. Портрет Н.М. Каразина

рамзина, а он отыскал ее в одной из старинных летописей Троице-Сергиевой лавры»³.

В 1820 году появилось первое издание «Хождения», подготовленное П.М. Строевым⁴. Труд самого Малиновского «О многократных отправлениях в Индию российских посланников, гонцов, купчин с товарами и приездах индийцев в Россию с 1469 по 1752 год», написанный в 1808 году, волею судеб вышел в свет только в 1837-м. Потому в комментариях к своей книге он уточняет: «Описание сего путешествия со всеми подробностями напечатано в Софийском Временнике, изданном 1820 года трудолюбивейшим археологом нашим Павлом Михайловичем Строевым»⁵.

И.П. Минаев⁶ во введении к статье «Старая Индия», впервые опубликованной в 1882 году в «Журнале Министерства народного просвещения», подвел итог публикациям «Хождения» в XIX веке: «“Хождение за три моря” русского пу-

тешественника XV века А.Ф. Никитина, открытое Карамзиным, издавалось и комментировалось несколько раз: во 2-мъ томе “Софійскаго Временника”, напечатанного П.М. Строевымъ, во 2-мъ томе “Сказаній Русскаго Народа” И.П. Сахарова и въ 6-мъ томе “Полнаго Собранія Русскихъ Летописей”; было также переведено на немецкій Д.И. Языковымъ и графомъ Вельгорскимъ на англійскій языкъ»⁷.

Путевые записки, «тетради», тверского купца Афанасия Никитина – удивительный исторический и литературный памятник. Отмеченный многосторонностью наблюдений, он содержит конкретные деловые и частично географические и этнографические сведения об Индии и других восточных территориях, описание быта, растительного и животного мира, перечень товаров и цен на них и т. д. Однако эта не просто записки торгового человека, в них «звучит чистый, где-то прагматический, где-то лирический и даже романтический голос средневекового россиянина <...> отличающегося непривычной для средних веков образованностью и веротерпимостью в сочетании с преданностью христианской вере и родной земле. <...> Находясь в незнакомой, порой враждебной среде, автор фиксирует, даже осуждает ее. Но не ненавидит. Он пытается постичь эту среду, приспособиться к ней. И все же далекая родина остается для него единственным идеалом и прибежищем, а возвращение к ней – неукротимой мечтой. Вот только князья там, как и здесь, воюют друг с другом, сокрушается Афанасий Никитин»⁸.

Оригинал этого памятника, как и оригинал «Слова о полку Игореве», не сохранился. Но оба текста сберегли для потомков русские летописи. Летопись – бесценный исторический источник, опирающийся на человеческие документы, на первосвидетельства. Благодаря им историографы имеют возможность судить о главном движителе истории – о коренных чертах русского национального самосознания, о структуре психической жизни народа. В «Хождении» Афанасий Никитин предстает как путешественник, как бытописатель и как гражданин, имеющий представление о дипломатических и торговых контактах своей страны и об иерархии московской придворной

бюрократии. В XIX и XX веках «Хождение» было предметом исследовательских работ И.И. Срезневского⁹, Н.В. Водовозова¹⁰, Л.С. Семенова¹¹. Подчеркивая непривычное для средневекового хрониста личностное начало записок Никитина, Я.С. Лурье¹² писал: «“Хождение за три моря” – не искусственно стилизованное сочинение, а человеческий документ поразительной художественной силы. “Хождение” – пример того стихийного возникновения художественной литературы из деловой письменности, которое характерно для XV века»¹³.

Замечательные слова сказал о «Хождении» Дмитрий Сергеевич Лихачев: «Записки Афанасия Никитина не отличаются литературностью, как она понималась в Древней Руси. В них нет украшенности, нет заботы о стиле. Он пишет просто, и в этой простоте их особое очарование. <...> Умной и разносторонней наблюдательностью записки Афанасия Никитина выделяются среди других европейских географических сочинений XV–XVI веков. Выдающийся востоковед И.П. Минаев, рассматривая труд Никитина, находит в нем “не один драгоценный факт, важный для понимания стариндийской жизни и просмотренный его современниками, заходившими в Индию”¹⁴. <...> Афанасия Никитина тянет на Родину, он любит Русскую землю: “Да сохранит бог землю русскую, – восклицает Никитин, – Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей! Некоторые вельможы Русской земли несправедливы и не добры. Но да устроится Русская земля!.. Боже! Боже! Боже! Боже! Боже!” Из этих пяти призываний имени божьего первое написано им по-арабски, второе по-персидски, третье и четвертое по-русски, пятое по-татарски. На всех языках славит Никитин Русскую землю. Отличает Афанасия Никитина и необычная для средних веков веротерпимость. “А правую веру, – пишет он, – бог ведает, а правая вера бога единого знати, имя его призывати на всяком месте чисте чисту”¹⁵. Таков был смелый, настойчивый, наблюдательный, предприимчи-

вый русский путешественник Афанасий Никитин, умевший по достоинству оценить чужие обычаи и не изменивший своим»¹⁶.

В XX столетии предпринимались неоднократные попытки переложить текст записок Никитина на современный русский язык. Первый перевод был издан в серии «Литературные памятники»¹⁷. Эта публикация, вспоминает председатель городской секции библиофилов С.М. Ларьков, «возникла стихийно в 1948 году, в связи с приездом в Советский Союз премьер-министра Индии Джавахарлала Неру, желавшего посетить могилу Афанасия Никитина, приобрести его книгу “Хождение за три моря” и увидеть Суздаль. Оказалось, что могила не сохранилась, а последнее издание выходило сто лет тому назад. Президент Академии наук С.И. Вавилов решил срочно издавать “Хождение за три моря”. С этой целью он обратился к академику Б.Д. Грекову, тот, в свою очередь, подключил члена-корреспондента В.П. Адрианову-Перетц. Стали находить и приглашать для работы специалистов. Так родилось новое издание “Хождения за три моря”¹⁸. Через десять лет вышло второе издание, переработанное и дополненное. В 1986 году в той же серии «Литературные памятники» был опубликован новый перевод, выполненный А.Д. Желтяковым и Л.С. Семеновым¹⁹.

В 2003 году Архивный отдел Тверской области подготовил новое «Хождение за три моря Афанасия Никитина». Издание содержит факсимиле Архивского списка (рукопись хранится в Российском государственном архиве древних актов в Москве и ранее в полном объеме не издавалась), источниковедческое исследование тверского историка и археографа С.Н. Кистерева и выполненный им новый вариант перевода (с комментариями Л.А. Тимошиной), который близок к версии 1986 года, но содержит свои уточнения. Этот перевод и статью С.Н. Кистерева (в сокращении) мы предлагаем вниманию читателей.

Е.Е. Мишина

⁹ Срезневский *Измаил Иванович* (1812–1880) – филолог-славист, этнограф, палеограф, член Императорской академии наук. См.: *Срезневский И.И. Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466–1472 гг. Ученые записки 2-го Отделения Императорской академии наук. Т. II. Вып. 2. СПб., 1856.*

¹⁰ См.: *Водовозов Н.В. Записки Афанасия Никитина об Индии XV века. М.: Знание, 1955.*

¹¹ См.: *Семенов Л.С. Путешествие Афанасия Никитина. М.: Наука, 1980. (История науки и техники).*

¹² *Лурье Яков Соломонович* (1921–1996) – советский, российский историк, литературовед.

¹³ Цит. по: www.bg-znanie.ru/print.php?id=6643.

¹⁴ Цит. по: *Минаев И.П. Старая Индия: Заметки на “Хождение за три моря” Афанасия Никитина // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. №6. С. 166.*

¹⁵ Текст «Хождения» цитируется по: *Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. // Изд-е 2-е, доп. и перераб. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958.*

¹⁶ *Лихачев Д.С. Избранные работы. В 3 т. Т. 2. Л., 1987. С. 277, 279, 280. (Литературные памятники).*

¹⁷ *Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. / Под ред. Б.Д. Грекова и В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л.: АН СССР, 1948.*

¹⁸ *Ларьков С.М. Д.С. Лихачев о роли книги в современной культуре. В сб. VI Международные лихачевские научные чтения. СПб.: ГУП, 2006. С. 164.*

¹⁹ *Хождение за три моря Афанасия Никитина / Подг. Я.С. Лурье и Л.С. Семенов. Л.: Наука, 1986.*

³ Цит. по: *Долгова С.Р. А.Ф. Малиновский – автор документальной рукописи о сношениях России и Индии с древнейших времен // Хождение за три моря Афанасия Никитина. Тверь, 2003. С. 7.*

⁴ *Строев Павел Михайлович* (1796–1876) – русский историк и археолог, член Императорской академии наук.

⁵ Цит. по: *Долгова С.Р. А.Ф. Малиновский – автор документальной рукописи о сношениях России и Индии с древнейших времен. С. 8.*

⁶ *Минаев Иван Павлович* (1840–1890) – русский востоковед, основатель русской индологической школы. Профессор Петербургского университета, член Русского географического общества. Труды Минаева положили начало широким исследованиям в области буддологии в России.

⁷ *Минаев И.П. Старая Индия: Заметки на “Хождение за три моря” Афанасия Никитина. М.: КД «Либроком», 2009. (Академия фундаментальных исследований: история).*

⁸ *Козлов В.П. К читателю // Хождение за три моря Афанасия Никитина. Тверь, 2003. С. 5, 6.*

Афанасий Никитин и его «Хождение» на Руси

В сентябре 1532 года жители Индии на краткий миг прорубили окно в Восточную Европу. Ко двору московского великого князя Василия III прибыло посольство Бабура, основателя династии Великих Моголов. Пробыв в Москве незначительный срок, послы поспешили в обратную дорогу, не зная, что их повелителя уже нет в живых и престол занят его сыном Хумаюном. Едва приоткрытое окно снова захлопнулось, и состоявшиеся в Москве переговоры не имели видимых политических последствий.

Трудно сказать, насколько хорошо помнили в Индии о состоявшемся дипломатическом демарше, имеющиеся источники не позволяют ответить на этот вопрос достаточно определенно, но в Москве о послах из отдаленной и малознакомой страны не забыли. Свидетельством тому стало занесение известия об их прибытии на страницы летописи.

Можно было бы думать, что сообщение об индийских послах оказалось записанным в летопись исключительно по той причине, что туда вносились множество сведений о дипломатических контактах Русского государства. Возможно. Однако возможно и иное: уникальное посольство оказалось отмеченным московским историографом XVI века благодаря давнему и устойчивому интересу русских людей к легендарной для них Индии. Эта страна была не неизвестной, а именно малоизвестной, причем не в настоящем своем облике, а чаще по полусказочным повествованиям, распространенным в русской литературе того времени. И все же среди многих литературных произведений, составлявших достояние русских книжников, было одно, текст которого не содержал ни заведо-

мо сказочных повествований, ни более или менее явных следов авторского вымысла. Этим произведением было сочинение жителя Твери, вряд ли претендовавшего когда-либо на звание писателя, но волею истории и благодаря признательности потомков ставшего одним из наиболее известных представителей этого славного цеха.

Пройдя трудную дорогу от границ Султаната до столицы восточноевропейского гиганта, послы Великого Могола не стали пионерами в освоении этого пути. За полстолетия до них то же расстояние, но в противоположном направлении преодолел тверской купец Афанасий Никитин, составивший подробное описание своего путешествия, сохраненное для нас заботливыми переписчиками¹.

Обычно, когда речь заходит о записках путешественников, в первую очередь возникают четыре вопроса: кто, когда, куда и зачем держал путь? Парадоксальным образом в ситуации с книгой Афанасия Никитина ни один из этих вопросов не имеет простого, очевидного ответа. Прежде всего нельзя дополнить объем сведений о личности тверского купца, поскольку все, что о нем известно, известно лишь благодаря его собственным запискам, то есть тому же «Хождению». Немало затруднений вызывает и вопрос о времени его путешествия, ибо ни в тексте «Хождения», ни в летописи на это нет прямого указания. Столь же мало известно и о цели путешествия, понимать ли под целью некий географический пункт или же дости-

жение какого-то конкретного результата. Ясно лишь, что поездка в Индию изначально Афанасием не планировалась.

И все же многолетние усилия исследователей дали свои результаты, и ныне возможно несколь-

¹ Всего известно семь списков сочинения Афанасия Твритина: два из них – Троицкий и Музейный (в виде фрагмента) – принадлежат к последним годам XV столетия и читаются в сборниках разнообразных текстов, Толстовский и Ундольский написаны в середине «мятежного века» и восходят к редакции, составленной известным

книжником XVII века Арсением Сухановым, три списка содержатся в составе летописных памятников – Архивского и Воскресенского списков Соборной летописи и Эттерова списка летописи Львовской – и составляют особый извод текста памятника, получивший в литературе название Летописного.

ко полнее судить о личности путешественника и обстоятельствах его предприятия, нежели это прямо следует из текста его записок.

Купец Афанасий Никитин вряд ли принадлежал к числу наиболее богатых и именитых представителей этого сословия, проживавших в Твери. Об уровне материального достатка путешественника говорит его же замечание, объясняющее причину продолжения движения некоторых из путников, в том числе и самого Афанасия, после того как их небольшой караван был вторично ограблен кайтаками – жителями расположенной к северу-западу от Дербента области в Дагестане: «И мы, заплакавъ, да разошлись кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошелъ на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли, а иные остались в Шамахе, а иные пошли работать к Баке»². Если у Афанасия была та же причина, что и у других проследовавших к Баку купцов, то можно полагать, что свое торговое предприятие он вел, используя не только собственные средства, но и привлекая чужие, взятые в долг. Не стоит думать, будто сам факт займа характеризует Никитина как малосостоятельного торговца. В то время торговый кредит в денежной или товарной форме был широко распространенным явлением хозяйственной жизни, им активно пользовались купцы, занимавшиеся не только внешней, но и внутренней торговлей³. Уровень благосостояния Никитина представляется относительно невысоким потому, что, пострадав от туземцев-грабителей, он не стал возвращаться в Тверь, видимо, не рассчитывая достаточно легко расплатиться с долгами за счет оставшегося дома имущества и капитала.

Несмотря на отсутствие в тексте сочинения Никитина прямых указаний на время его путешествия, Л.С. Семенову удалось установить, что из Твери купец отбыл в 1468 году, оказался в Индии в 1471-м, а вернулся в Европу осенью 1474-го⁴. Таким образом, получен ответ и на второй вопрос.

Казалось бы, купеческое звание Никитина само предполагает главную цель его путешествия – проведение торговых операций. Однако, как это ни

странно, некоторые исследователи предпочитали видеть в авторе «Хождения» то разведчика, занимавшегося сбором сведений об отдаленных странах, то княжеского посла. Другое дело, что отбытие Никитина из Твери было санкционировано местными властями, от которых купец получил документы, предъявленные им впоследствии по пути следования, в частности в Костроме, находящейся во владении уже не тверского, а московского великого князя⁵. Однако грамоты, полученные Афанасием, скорее всего, были не более чем бумагами, удостоверяющими его принадлежность к числу подданных тверского князя.

Погрузившись на корабль, Никитин отправился вниз по Волге, останавливаясь, но не задерживаясь в некоторых городах. Как можно догадаться, его ближайшей целью было возможно скорейшее достижение Нижнего Новгорода, где он рассчитывал присоединиться к направлявшемуся в Шемаху московскому посланцу Василию Папину и его свите. Попав в Нижний Новгород, он узнает, что Папин успел уехать двумя неделями ранее. Потерпев неудачу, Никитин задерживается еще на две недели, дабы пристать к возвращающемуся из Москвы посольству ширваншаха.

Высказывалось мнение, что Никитин снарядил для своего предприятия два судна⁶. Однако оно не подтверждается текстом «Хождения». Речь о судах, на которых плыли купцы, в сочинении Никитина заходит дважды. В первый раз при описании прохождения дельты Волги и набега татар Афанасий пишет: «И яз свое судно покинулъ да полезъ есми на судно на послово и с товарищи своими. <...> И судно наше стало на езу, и они нас взяли да того часу разграбили. А моя была мелкая рухлядь вся в меньшом судне, а в болшом судне есмя дошли до моря, ино стало на усть Волги на мели. И они нас туто взяли да судно есмя взад велели тянути вверхъ по язю <...>»⁷ Отсюда следует, что караван вообще состоял лишь из двух кораблей, на одном из которых – большем – плыл ширванский посол Асан-бек, а на втором, меньшем, – купцы, среди коих и сам Афанасий. Таким образом, никаких собственных кораблей у Никитина не было,

и в состоящем из двух судов караване он был пассажиром, как и большинство его попутчиков.

Примечательно, что Никитин ни до Нижнего Новгорода, ни после, описывая свои приключения, ни разу не упоминает о слугах и приказчиках, обязанных наблюдать за сохранностью товара и помогать Афанасию как в торговых делах, так и в быту. Более того, рассказывая о пребывании в Индии, Никитин говорит об удивлении аборигенов, увидевших белолицего человека, то есть единственно его самого, без слуги с лицом европейского типа, а указывая стоимость проживания, не уточняет, на сколько человек приходится названная им сумма, что также заставляет думать о нем как о путешественнике-одиночке.

И здесь нельзя не задаться вопросом об объеме товара, который Афанасий надеялся реализовать в Ширване. Отсутствие помощника, непричастность к купеческой компании, техническая невозможность в одиночку уследить за сохранностью большой партии товара подразумевают, что его имущество не было сколько-нибудь велико. В связи с этим необходимо вернуться к описанию ограбления каравана в низовьях Волги, когда сам Никитин уже перебрался на корабль Асанбека. В Троицком списке читается: «И судно наше меньшее стало на езу, и оны его взяли часа того да розграбили, а моя рухлядь вся в меньшом судне»⁸. Естественно, что плывший на малом судне Афанасий не держал основной части своего товара на корабле ширванского посла, а перебираясь туда, мог взять с собой лишь нечто, легко перемещаемое одним человеком, если вообще взял что-либо. И если, как следует из текста, все принадлежащее Афанасию осталось на меньшем судне и было потеряно, мы вправе предполагать ошибку, допущенную писцом Летописного извода, написавшим «мелкую» вместо «мяхкую». «Мяхкой» рухлядью именовались меха, дорогие разновидности которых обычно не занимали значительного пространства и в относительно небольшом количестве вполне могли быть перенесены одним человеком. Вьюк, много два, вот и все, с чем купец отправился из Твери и что он утратил из-за алчности жителей приволжских степей и побережья Каспия. Это обстоятельство опять же заставляет видеть в нем сравнительно небогатого представителя купеческого сословия.

Н.В. Водовозов и Л.С. Семенов считали, что Никитин был избран главой купцов, присоеди-

нившихся к возвращавшемуся посольству Асанбека⁹. А.А. Зимин пошел еще дальше и писал, будто именно Никитин организовал экспедицию торговых людей из Твери и Москвы, двигавшихся с Асанбеком, как «общерусское предприятие»¹⁰. Данные же, предоставленные в наше распоряжение самим тверским купцом, не позволяют принять ни одно из этих предположений. Об отправлении из Твери и дальнейшем продвижении вплоть до присоединения к ширванскому посольству Никитин рассказывает от первого лица, постоянно используя единственное число: «поидох», «приидох», «яз ждал». И только когда речь заходит о следовании по Волге и далее по Каспию, Никитин переходит к множественному: «проехали», «въехали есмя», «наехали нас», «сказали нам» и т. д. Это обстоятельство заставляет думать, что путь от Твери до Нижнего Новгорода Никитин проделал в одиночестве.

Как бы то ни было, Никитину удалось примкнуть к посольству ширваншаха и вместе с ним отправиться дальше. В своих записках он сообщает о свободном проезде мимо Казани, Орды и Сарая, о нападении татар в дельте Волги и разграблении имущества двигавшихся с посольством, подобно Никитину, купцов, о прибытии в Дербент, о буре, которая привела к гибели одного из судов, о вторичном ограблении купцов, на сей раз уже подвластными ширваншаху кайтаками, и безуспешных попытках вернуть утраченное имущество.

Примечательно, что Афанасий, рассказывая о событиях, сопровождавших продвижение кораблей на юг, не посвящает ни строки описанию самого пути, характера местности, быта и нравов обитателей и т. п. Его интересуют только происшествия, но не места, в которых они случились. Это обстоятельство позволяет заключить, что предполагаемым читателям записок Никитина местности, через которые пролегал его путь, были хорошо известны, и путешественнику не стоило тратить время на приведение банальных подробностей.

В Дербенте Никитин и его попутчики наделись с помощью властей поправить свое материальное положение, существенным образом пошатнувшееся после двукратного грабежа, однако надеждам этим сбыться было не суждено. Можно полагать, что долги стали той причиной, которая подвигла Никитина продолжить путь на юг,

⁸ Цит. по: Хождение за три моря Афанасия Никитина / Подг. Я.С. Лурье, Л.С. Семенов. Л.: Наука, 1986. (Литературные памятники). С. 18.

⁹ Водовозов Н.В. Записки Афанасия Никитина об Индии XV века. М., 1955. С. 10. Семенов Л.С. Путешествие Афанасия Никитина. М.: Наука, 1980. (История науки и техники). С. 54.

¹⁰ Зимин А.А. Рец.: «Хождение Афанасия Никитина 1466–1472 гг.» // Вопросы истории. 1949. №7. С. 142.

² Хождение за три моря Афанасия Никитина. Тверь, 2003. С. 100.

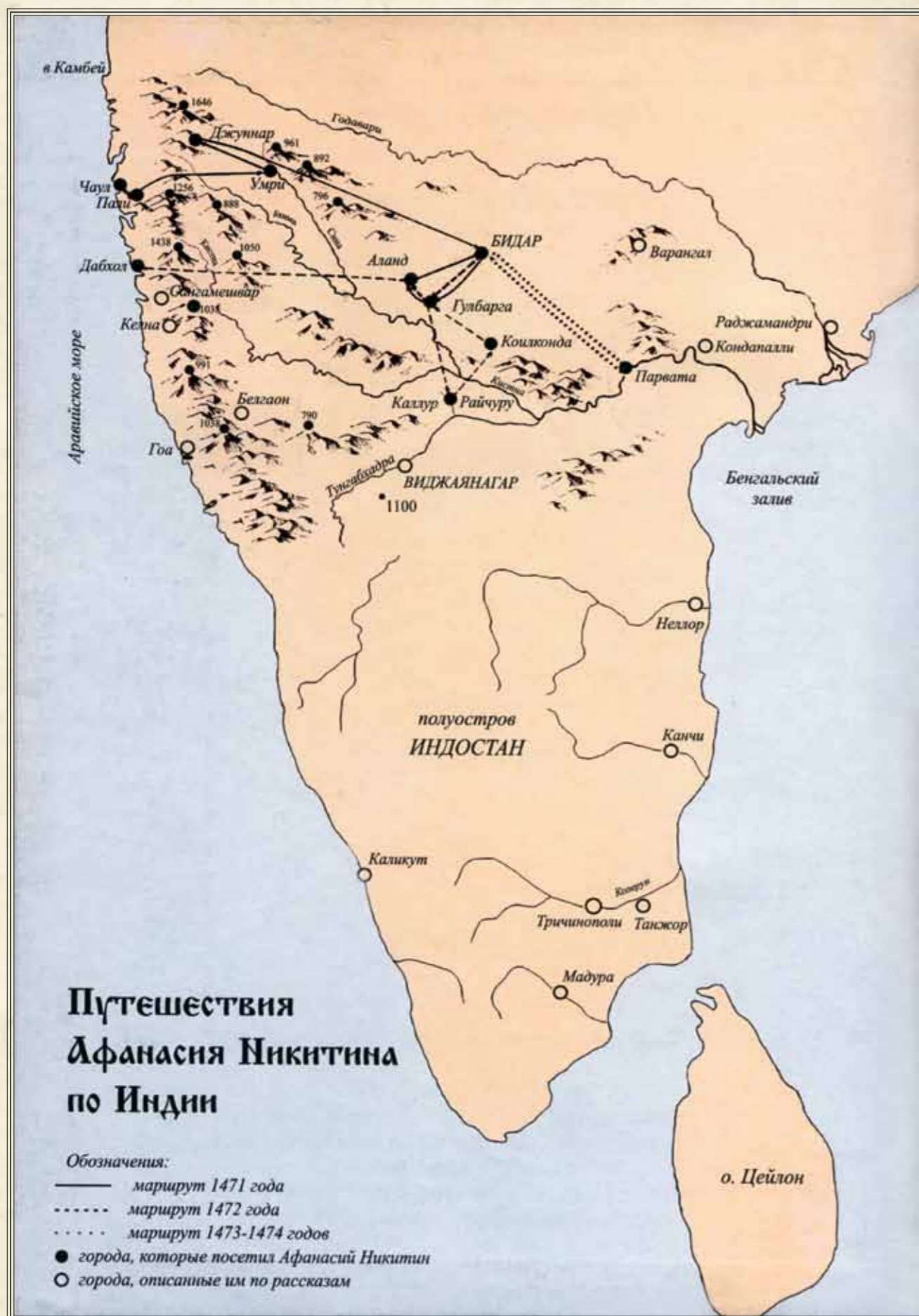
³ О торговом кредите в XV веке см.: Хорошкевич А.Л. Кредит в русской внутренней и русско-ганзейской торговле XIV–XV веков // История СССР. 1977. №2. С. 125–140.

⁴ Семенов Л.С. К датировке путешествия Афанасия Никитина // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 9. Л., 1978. С. 135–141; Хронология путешествия Афанасия Никитина // Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л.: Наука, 1986. С. 88–107.

⁵ К.И. Кунин по непонятной причине считал, будто князь Александр дал путникам, среди которых был и Никитин, какую-то грамоту, а не принял от них, но это явное недоразумение (Кунин К.И. Путешествие Афанасия Никитина. М., 1947. С. 9).

⁶ Срезневский И.И. Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466–1472 гг. Ученые записки 2-го Отделения Императорской академии наук. Т. II. Вып. 2. СПб., 1856. С. 257; Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. М., 1957. С. 81.

⁷ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Тверь, 2003. С. 99.

и не случись этого печального для него обстоятельства, знаменитое теперь путешествие не состоялось бы.

Стоит заметить, что возвращение в Тверь при невозможности сразу расплатиться по долговым обязательствам не могло представлять для Афанасия реальной опасности. Русское законодательство того времени, достаточно сурово наказывая утратой личной свободы несостоятельных должников, чье положение стало следствием разного рода предосудительных поступков, не допускало продажи в холопы тех, кто стал жертвой стихийного бедствия или вооруженного нападения, и предписывало потерпевшему постепенную выплату долга, видимо, из доходов от новых торговых предприятий. Оставшиеся в Шемахе и отправившиеся в Баку купцы, вероятно, рассчитывали восстановить свое состояние еще до возвращения на Русь. С той же целью двинулся в Азию и Никитин.

Сказанное позволяет, кажется, дать ответ и на последний вопрос – о конечном пункте экспедиции Никитина, как он виделся при отправлении с берегов Тьмаки. Старания тверского купца настичь Василия Папина, затем держаться возле посольства Асан-бека как бы указывают на пределы Ширвана как конечную цель пути. Все остальное лишь по воле случая.

Однако судьба не позволила Никитину ограничиться достижением заранее намеченной цели, и путь его продолжился сначала в Персию, а затем и в Индию. Кратко описывая свое пребывание в северной части Ирана, Афанасий гораздо подробнее рассказывает о ее южной части и об Индии. При этом если путешествуя по Ирану, Никитин повествует главным образом о городах, в которых ему удалось побывать, о состоянии хозяйства в посещаемых областях, торговом значении их и наличии товаров для возможного импорта на Русь, то в Индии его также интересуют быт и нравы населения. Он пишет об обычаях аборигенов, о различного рода достопримечательностях, пересказывает местные легенды.

Подробный характер этих сведений не оставляет сомнения в том, что, путешествуя по дальним странам, Никитин постоянно вел похожие на дневниковые записи. Похожие – потому что, не имея возможности использовать привычный ему православный календарь, Афанасий, как он сам неоднократно об этом упоминает, довольно скоро потерял счет дням и, естественно, не мог, делая путевые заметки, отмечать числа месяцев.

Сказанное подразумевает проблему соотношения первоначальных дневниковых записок

Никитина и окончательного текста «Хождения». Так, по Я.С. Лурье, текст «Хождения» представляет собой собственно дневник Никитина, страницы которого заполнялись в соответствии с хронологией путешествия; он подчеркивает: «...даже если предположить, что, кроме заголовка, «Хождение» включает еще какие-либо интерполяции, то основной его характер не вызывает сомнений – это сочинение, написанное в «Гундустане», и только самая последняя часть его могла быть создана после путешествия через третье и последнее – Черное море»¹¹. Думается, видеть в отдельных фрагментах «Хождения» интерполяции, все остальное расценивая как поденные записки, появляющиеся на свет по мере продвижения путешественника, все же нельзя. Здесь необходимо учитывать такое немаловажное обстоятельство, как физические особенности самой рукописи. Более или менее многочисленные и весьма, вероятно, объемные дописывания на полях между строк представить довольно трудно, но совершенно невозможно уяснить способ, каким было присоединено к имеющемуся тексту его современное начало, в отпечатанном типографским способом виде занимающее баз малого три строки, а в оригинальной рукописи Никитина, естественно, гораздо более.

Однако и в тексте «Хождения» есть указание на время его создания. Описывая город Бедер, Никитин указывает, что «салтан невелик – 20 лет». Мухаммед-шах III вступил на престол в 1463 году, когда ему шел девятый год. Двадцать лет султану исполнилось в 1474 году, который стал последним в жизни Афанасия. Следовательно, указывая возраст султана, Никитин говорил не о времени, когда сам наблюдал его торжественные выезды, а о моменте написания сочинения, то есть о 1474 году, что опять-таки не позволяет видеть в «Хождении» полный свод дневниковых записей.

Таким образом, в «Хождении» мы имеем дело не с дневником, включающим некоторые поздние интерполяции, а со специально написанным Никитиным сочинением, содержащим некоторые, но очень немногие текстуальные заимствования из дневника. Иное дело, что все основное содержание «Хождения» основано на ведшихся Афанасием в период странствия записках, которые мы, вслед за предшественниками, называем дневниковыми, но не имевших собственно вида дневника. Конечно, при создании «Хождения» в его окончательном виде эти записки были использованы, и многие имеющиеся в них сведения теперь доступны, но столь же несомненно, что многое ос-

¹¹ Лурье Я.С. Русский «чужеземец» в Индии XV века // Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л.: Наука. 1986. С. 70.

талось и за рамками известного нам произведения тверского купца¹².

Теперь, когда известно время создания «Хождения», относительно нетрудно установить и место его написания. Составитель летописи в статье 1475 года изложил обстоятельства обретения включаемого им в свой труд сочинения Афанасия Тверитина: «Того же году обретох написание Офонаса Тферитина, купца, что был в Бндеи 4 годы <...> а сказывают, что деи Смоленска не дошед умерь, а писание то своею рукою написал, иже его руки тетради привезли гости к Мамыреву Василью к дьяку к великаго князя на Москву»¹³.

Почему же, имея в руках дневник, содержащий описание его странствий, Никитин вдруг, не достигнув конечной цели своего пути, да еще в дорожных условиях, вновь обращается к перу и пишет «Хождение»? Н.И. Прокофьев отмечал, что в отличие от текста, оканчивающегося описанием Парвата, вся последующая часть «Хождения» написана торопливо и явно не завершена, что, возможно, является следствием болезни Никитина¹⁴. Не исключено, что это обстоятельство действительно могло негативным образом сказаться на тексте «Хождения». Для нас все же важно, что именно болезнь, вероятно, и стала побудительной причиной для его создания. Вряд ли можно сомневаться, что Никитин начал писать «Хождение за три моря», не надеясь уже добраться до родного очага, одновременно понимая, что его дневниковые записи, как всякие памятные записки личного характера, будут малопонятны возможному читателю.

Выяснение причины, по которой создается то или иное произведение, есть в значительной мере установление его адресата. Поэтому кажется крайне важным решение вопроса о предполагаемом самим Афанасием Никитиным читателем его сочинения.

Автор восклицает: «Ино, братие рустии христиане, кто хочет пойти в Бндиискую землю, и ты остави веру свою на Руси, да вьскликнуть Махмета, да поиди в Гундустанскую землю»¹⁵. Возможно ли считать обращение «братия» безадресным, направленным на любого читателя вне зависимости от его социального положения? Вряд ли. В таком случае придется счесть Никитину утопистом, который считал возможным, что кто-то рискнет предпринять опасное путешествие без видимой цели, из любви к странствиям, не тревожась воз-

можностью потери личной свободы или даже и самой жизни на отнюдь не безопасных дорогах той эпохи. Следовательно, адресатами Никитина нельзя считать всех без исключения православных, которые, отправляясь в дальний путь, могли бы оставить истинную веру и принять ислам. В первую очередь невозможно, чтобы сочинение было предназначено священнослужителям как представителям сословия, требующего неукоснительной приверженности православной вере. Из числа возможных читателей явно выпадают и низшие социальные слои. Не приходится видеть в «братиях» и служащих госаппарата или даже представителей правящих кругов. Бояре, дьяки, «государевы люди», если бы и предприняли опасное и дальнейшее путешествие, то были бы относительно защищены нормами дипломатического этикета того времени, по крайней мере, от них вряд ли потребовали бы прежде всего отречения от веры. Да и сомнительно, чтобы в отношении их Никитин предполагал возможность проявления личной инициативы в предприятии самого путешествия, как то следует из его выражения «хочет».

Однако, кажется, текст «Хождения» отвечает с достаточной определенностью на вопрос об адресате сочинения. И здесь необходимо обратить внимание на многочисленные иноязычные выражения, которые, по заключению специалистов, являются специфической смесью арабо-персидских и тюркских слов и представляют собой определенный вид сословного койне, использовавшегося для общения в среде разноплеменного купечества, сходявшегося на караванных путях Средней и Центральной Азии. Употребление этого наречия в тексте «Хождения», несомненно, рассчитано на понимание и тем самым выдает ту социальную среду, на восприятие которой полагался Никитин, указывает на потенциального, в глазах автора, читателя. Личная инициатива, дальние странствия, незащищенность от произвола местных властей – все это было обычно для тех, чья деятельность была связана с международной торговлей, то есть с купечеством, отправлявшимся в заморские страны в поисках торговых прибылей.

То, что Никитин, создавая свое сочинение, предполагал возможность его использования как практического руководства, не вызывало сомнения у Н.В. Водовозова: «Только те его приключения, которые могли быть примером или предостережением для будущих читателей, как, например,

рассказ о случившемся под Астраханью или под Тархами, он считал достойным для записи в книгу. Этот же принцип отбора материала для описаний он сохранил на все время своих шестилетних странствий. Взыскательность Афанасия Никитина как писателя к себе настолько велика, что в его книге нельзя найти ни одного слова, которое не содержало бы ценнейших сведений для тех, кто захотел бы побывать в местах, так добросовестно им описанных»¹⁶.

И все же степень полноты сообщаемых сведений зависела не от того, насколько известно было описываемое место или явление на Руси вообще, а от того, насколько оно было знакомо представителям вполне конкретного социального слоя и насколько эти сведения могли им пригодиться. Примечательно, что, указывая на место проживания гостей во время их остановок в индийских городах: «В Бндеиской земли гости ся ставят по подвориемь...»¹⁷, Никитин никак не оговаривает условия пребывания там же иных путешественников, не принадлежащих к данному сословию. Естественно, купец прежде всего заботился о купцах же, естественно, абсолютное большинство странствующих были именно купцами, и все же умолчание об остальных категориях путников весьма показательно.

Чем дальше от Каспия, тем подробнее повествование Никитина, тем меньше сведений о его собственных приключениях, тем больше информации о посещаемых местах. Купец, преследующий в своих странствиях изначально и главным образом торговый интерес, рассказывает о крупнейших торговых пунктах, через которые пролегал его путь, упоминает о товарах, производящихся в тех или иных городах, не забывая коснуться и столь существенного для путешественника вопроса о климатических условиях, в коих приходилось вести дела.

Описывая образ жизни народов, населяющих области, где ему удалось побывать, Никитин и здесь чрезвычайно практичен. Современный исследователь «Хождения» Пал Кришна отметил, что, уделяя самое пристальное внимание религиозным обычаям и обрядам индусов, Афанасий ни словом не обмолвился о верованиях мусульман, и объяснил это умолчание отсутствием интереса у самого автора ввиду давнишнего знакомства с этой стороной жизни в исламских странах¹⁸. Однако дело не столько в самом Афанасии, сколько в предполагае-

мых им читателях «Хождения», которым мусульмане были хорошо знакомы.

С этим же, вероятно, связано и отсутствие эмоциональных оценок при описании Никитиным расовых признаков и внешнего облика индийцев. «Он создает очерк скорее как ученый-этнограф, а не как писатель, – считает Пал Кришна, – поэтому его описания увиденного лишены, как правило, субъективной оценочности, документальны по стилю»¹⁹. Можно, конечно, заметить, что читатели сочинения Никитина, как он и сам мог догадываться, мало интересовали бы его личные эмоции, им была необходима достоверная информация о том, что они должны были встретить на своем пути. Видимо, в этом и кроется причина, по которой Афанасий иной раз сдерживал свои чувства.

Работая на благо своих собратьев-купцов, Никитин и передал свой последний труд в их руки. Как свидетельствует летописец, именно гости доставили сочинение умершего странника в Москву. Нельзя не задаться вопросом: не для этих ли лично знакомых ему купцов и потрудился в последний раз Афанасий? Не к ним ли обращался он в тексте как к «братьям»? На сей счет можно лишь строить догадки. Однако кажется очень существенной оговорка летописца, будто гости сообщили, что привезенные ими в Москву тетради были написаны Никитиным собственноручно. Такая подробность могла исходить лишь от людей, непосредственно общавшихся с автором рукописи в его последние дни.

Выше уже отмечалось, что, возвращаясь на родину, Афанасий не ставил целью посетить Москву. В таком случае гости, доставившие тетради Афанасия в Первопрестольную, вряд ли были его попутчиками, начиная с Кафы. Можно лишь догадываться о сфере их торговых интересов, возможно, что они действовали на западном, литовском направлении, но, кажется, имеются основания предположить и иную возможность. В тексте «Хождения» находящаяся в Парватском святилище статуя сравнивается со знаменитой константинопольской статуей императора Юстиниана. Исследователи неоднократно обращали внимание на это обстоятельство, но по-разному его объясняли. Откуда же купцу Никитину мог быть известен внешний вид статуи?

В русских источниках существует несколько описаний статуи Юстиниана. Наиболее раннее сохранилось в «Беседе о святынях и других достопа-

¹² Примеры неполноты сведений, представленных в «Хождении», приводил И.И. Срезневский (*Срезневский И.И. Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466–1472 гг. С. 279–281*).

¹³ Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. С. 221.

¹⁴ Прокофьев Н.И. Предисловие // Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472. М., 1980. С. 21.

¹⁵ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Тверь, 2003. С. 102.

¹⁶ Водовозов Н.В. Записки Афанасия Никитина об Индии XV века. С. 16.

¹⁷ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Тверь, 2003. С. 101.

¹⁸ Кришна Пал. Жанрово-композиционное своеобразие произведения Афанасия Никитина // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 9. М., 1998. С. 176.

¹⁹ Там же.

мятностях Царьграда»²⁰ новгородского архиепископа (тогда еще священника) Василия Калики, более позднее – в Хождении Стефана Новгородца²¹. И, наконец, третье описание монумента принадлежит дякону Зосиме²². Статуя была известна на Руси не только по этим описаниям. Ее изображали на иконах, например на «Покрове Богородицы»²³. Но Афанасию не обязательно было видеть книжные или иконные изображения или лично бывать у подножия столпа – достаточно было кому-то из собеседников представить всадника-василевса «в лицах».

Таким образом, он не только знал о существовании монумента, но был уверен, что его читатель осведомлен не меньше и либо знал о статуе по книжным миниатюрам или изображениям на иконах, либо видел ее непосредственно в Царьграде. В связи с последним можно предположить, что направлявшиеся в Москву гости следовали из Константинополя, почему Афанасий и считал возможным допустить в своем рассказе сравнение индийской скульптуры с императорской статуей. Кроме того, эти гости не были земляками Афанасия, иначе ничто не помешало бы им доставить тетради в Тверь, остававшуюся в это время еще столицей самостоятельного княжества.

Надеялся ли Афанасий, что «Хождение» когда-нибудь будет прочитано его земляками, сказать трудно. Передав свое сочинение, он сделал, видимо, все от него зависящее, чтобы его знания о дальних странах не пропали втуне. В нашем распоряжении нет никаких свидетельств, подтверждающих предположение о возможности снятия копии текста «Хожения» до передачи тетрадей ехавшим в Москву гостям, равно как и от том, что такая копия могла появиться до того момента, когда тетради оказались в руках Василия Мамырева. Таким образом, видимо, московский дьяк стал третьим обладателем тетрадей Афанасия после него самого и неких гостей.

Немаловажен вопрос о причине, по которой тетради были отданы именно ему. Долгое время

считалось, что Василий возглавлял внешнеполитическую службу московского великого князя, поэтому факт передачи ему рукописей Никитина не вызывал удивления, однако никакие свидетельства о причастности дьяка к ведению посольских дел так и не обнаружены²⁴. Но есть источники сведений, позволяющие заключить, что Мамырев занимал весьма высокий пост в структуре московской администрации.

Восьмого марта 1474 года по опальном князе Данииле Дмитриевиче Холмском Иваном Никитичем Воронцовым была дана поручная запись, предъявленная к докладу у Ивана Юрьевича Патрикеева, приложившего к ней свою печать. Подписан документ был дьяком Василием Мамыревым²⁵. В 1480 году во время нашествия Ахмата дьяк Василий был оставлен при князе Иване Юрьевиче в Москве²⁶. Поскольку князь в это время был московским большим наместником²⁷, то тем самым определяется высокое положение Василия Мамырева в бюрократической иерархии Московского великого княжества. Причастность же дьяка к оформлению кабалы князя Д.Д. Холмского, финансового документа, предназначенного к хранению в казне, воспринимается В.А. Кучкиным как повод видеть в нем дьяка казенного.

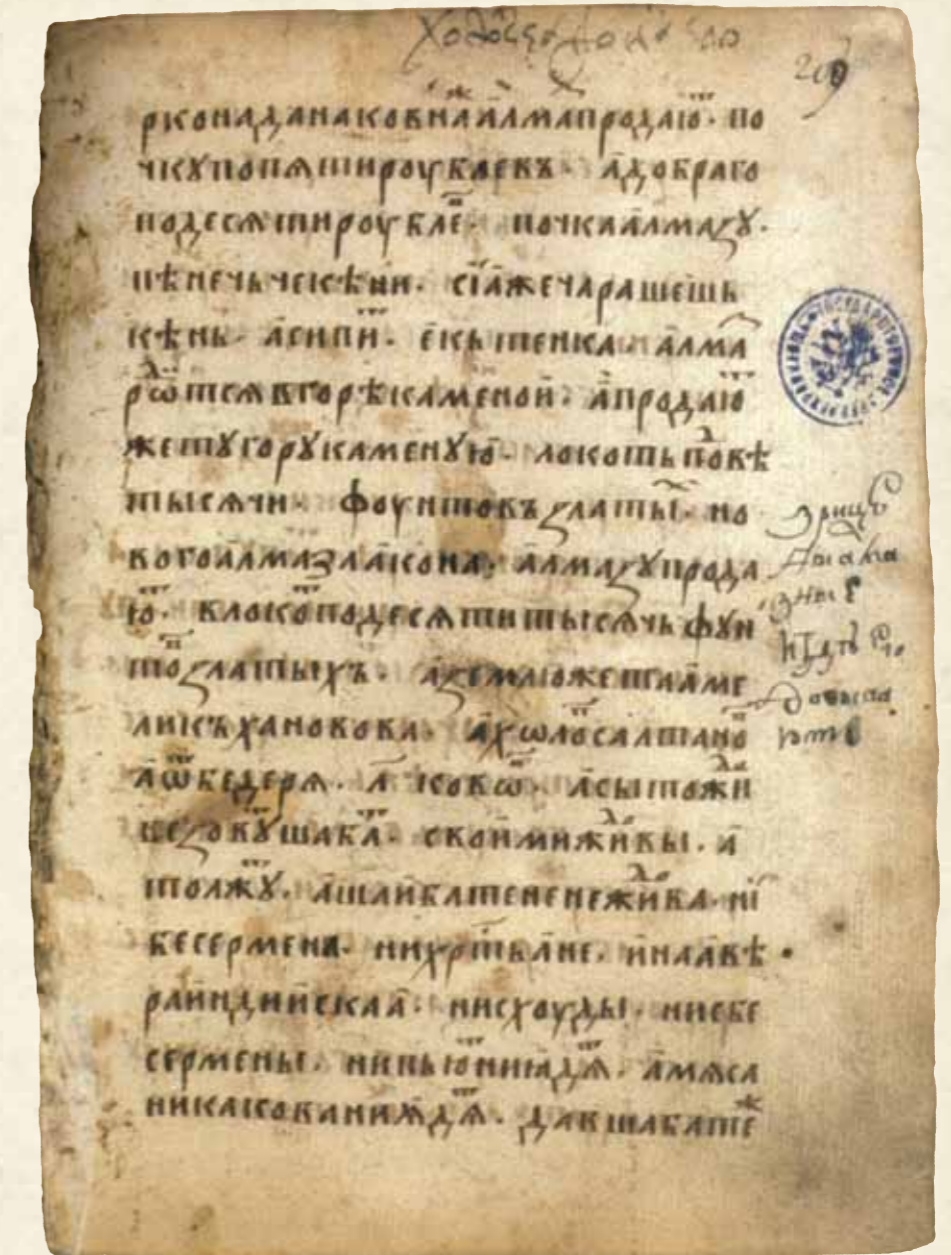
Василий известен и как человек, причастный к созданию некоторых крупных культурных ценностей. Например, им была заказана для кремлевского Благовещенского собора трехчастная икона «Символ веры», возможно, к дню его освящения, 9 августа 1489 года²⁸. В 1455 году он переписал для великого князя Василия II Острожского²⁹. Другой рукописью, обязанной своим появлением Мамыреву, стала иллюстрированная книга 16 пророков. Но факт его причастности к переписке книг еще не объясняет с достаточной убедительностью причин передачи именно ему тетрадей Никитина. Примечательно, однако, что именно казначей по должности был обязан заниматься проблемами гостей как чина служилых людей, так что, вероятно, служебные обязанности Мамырева и обусло-

вили попадание к нему тетрадей Никитина.

Сейчас сложно представить, какое впечатление произвели на дьяка записки тверского путешественника. Несколько легче реконструировать историю самого «Хожения» после того, как его единственная, оригинальная рукопись оказалась в Москве.

Исходя из факта хранения книги 16 пророков в Троице-Сергиевой лавре, В.А. Кучкин заключает, что она попала туда с другими рукописями, среди которых должны были находиться и тетради Никитина³⁰. С таким предположением согласиться нельзя, так как определение Мамырева на момент получения им тетрадей Никитина как дьяка Казны, то есть лица официального, заставляет признать, что в дальнейшем тетради должны были храниться среди документов этого учреждения. Дабы не прослыть казнокрадом, пусть даже по ничтожному поводу, Мамырев не мог просто изъять подлинные тетради, а имел возможность, пользуясь служебным положением, лишь изготовить их список для личных потребностей. Однако на существование этого факта ничто не указывает. Ссылка на нахождение книги пророков в монастыре не решает вопроса, так как можно предположить, что рукопись была специально изготовлена для вклада в монастырь, как, вероятно, специально же написана для дара Благовещенскому собору икона «Символ веры». На последнее обстоятельство намекает синхронность создания обоих памятников – 1489 год.

Вряд ли справедливо и мнение Я.С. Лурье, что «тетради Никитина Мамырев передал одно-

Страница Архивского списка «Хожения за три моря» А. Никитина. РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание МГАМИД № 371/821

му из летописцев»³¹. Летописец утверждает, что он сочинение Никитина «обретох», то есть нашел, и, вероятно, в какой-то доступной ему библиотеке, в противном случае имелось бы указание на третье лицо, от которого получен текст.

В то же время сам факт обнаружения летописцем рукописи, содержащей «Хождение», без помощи Мамырева свидетельствует, что дьяк передал или сами тетради, или копию текста в доступное летописцу книгохранилище. И здесь наиболее существенным является вопрос о характере переданной рукописи: были ли это подлинные

²⁰ Майков Л.Н. Беседы о святынях и других достопримечательностях Царьграда // Сборник Отделения русского языка и словесности. Т. 51. №4. СПб., 1890.

²¹ Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 28.

²² Прокофьев Н.И. Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 455. М., 1971. С. 22.

²³ ГРМ, ДРЖ №2142 (б. №2106 из собр. Н.П. Лихачева).

²⁴ Лурье Я.С. Русский «чужеземец» в Индии XV века. С. 65.

²⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Западной России. Т. 3. М., 1964. №19.

²⁶ АСЭИ. Т. 2. М., 1958. №467а; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 294. Эти совпадения служб Мамырева и Патрикеева отмечались ранее: Кучкин В.А., Попов Г.В. Государев дьяк Василий Мамырев и лицевая книга пророков 1489 года // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 2. М., 1974. С. 114.

²⁷ По А.А. Зимину, И.Ю. Патрикеев был московским наместником с начала 70-х годов и вплоть до конца службы (Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 31).

²⁸ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. С. 326. Кучкин В.А., Попов Г.В. Государев дьяк Василий Мамырев... С. 117.

²⁹ ГИМ, Увар. собр., №87.

³⁰ Кучкин В.А. Судьба «Хожения за три моря» Афанасия Никитина в древнерусской письменности // Вопросы истории. 1969. №5. С. 70–71.

³¹ Лурье Я.С. Русский «чужеземец» в Индии XV века. С. 65.

тетради Тверитина или же изготовленный с них список.

Вернемся к словам летописца, что он «обретох написание Офонаса Тферитина...». Является ли в данном случае «написание» синонимом «произведения» или «автографа»? Ниже в предисловии к «Хождению» читается: «...сказывают <...> писание то своею рукою написал, иже его руки тетради привезли гости к Мамыреву Василью...»³² Это означает, что некто поведаль летописцу, что переданные тетради были автографом Афанасия. Употребление терминов «написание» и «написан» с одновременным противопоставлением им «писание», которое оказывается написанным Никитиным, но могло быть и написано кем-то другим, говорит о том, что летописец пользовался им, значит, «обретох» подлинные тетради Никитина.

Что же это было за книгохранилище, где в 1475 году находились тетради Никитина? Еще раз вчитаемся в летописное изложение: «Того же году обретох написание Офонаса Тферитина, купца, что был в Ындеи 4 годы, а ходилъ, сказывает, с Васильем с Папиным. Аз же опытах, коли Василей ходилъ с кречаты послон от великаго князя, и сказаша ми, за год да казаньскаго похода пришел из Орды, коли князь Юрьи под Казанью был, тогда его под Казанью застрелили. Се же написано, не обретох, в кое лето пошел или в кое лето пришел их Ындея, умеръ а сказывают, что деи Смоленска не дошед, умер, а писание то своею рукою написал, иже его руки тетради привезли гости к Мамыреву Василью къ дьяку к великаго князя на Москву»³³. Лица, рассказавшие летописцу, как тетради Никитина попали к Мамыреву, знают не только, кто и кому принес тетради, но и чьей рукой они были написаны. Естественно, последнее могло быть им известно лишь в том случае, если они присутствовали при передаче дьяку рукописи «Хождения», ведь только в этот момент гости могли сообщить, что тетради писаны рукой самого Никитина. Никаких помет на сей счет манускрипт, видимо, не содержал, иначе летописец сослался бы на такую запись, а не на рассказы третьих лиц.

Летописец пытался определить и время путешествия Никитина. Единственным ориентиром для этого в тексте «Хождения» могло послужить указание на посольство Василия Папина; кроме

того, некто сообщил ему минимум необходимых сведений. Летописец не делает различия между источниками, поэтому можно полагать, что те, кто ему «сказаша» о посольстве Папина, пояснили и обстоятельства «путешествия» рукописи Афанасия в Москву. Василий Папин ехал с кречетами – даром великого князя. Посылка же даров осуществлялась из Казны. Следовательно, получить достоверные сведения о посольстве летописец мог только в Казне от служивших в ней лиц. Поскольку они же рассказали ему и о приезде к Мамыреву, необходимо заключить, что тетради Афанасия были найдены хронистом именно в этом учреждении.

Чрезвычайно интересно было бы знать, когда «Хождение» оказалось частью летописи, то есть определить время создания самой летописи. Исследователи установили, что в основе Софийской второй и Львовской летописей, то есть именно тех двух, в которых читается текст Никитина, лежит свод 1518 года³⁴. Однако считается, что летописец, нашедший «Хождение», вставил его в летопись много раньше. Относительно датировки ее составления выдвигаются различные предположения. Нам кажется наиболее предпочтительной гипотеза Б.М. Клосса и В.Д. Назарова, согласно которой летопись была составлена не ранее 1489 года, когда в Москве завершилась постройка церкви Благовещения, что нашло отражение в летописи, но и не намного позднее этой даты³⁵. В связи с этим необходимо обратить внимание на содержащуюся в этой летописи цепь известий о Василии Мамыреве. Это свидетельствует об особом интересе летописца к этой личности, несомненно, связанном с обретением тетрадей Никитина. А поскольку последнее известие относится к 1492 году, можно заключить, что летопись создана не ранее этого года. Отсюда возникает предположение, что время ее написания – середина 90-х годов XV века.

Не менее интересен вопрос о личности летописца, ставшего первооткрывателем «Хождения». Характерной чертой древнерусской литературы является безымянность большинства ее произведений. Однако в данном случае, кажется, имя хрониста удалось установить.

Р.А. Седова, исследуя состав рукописного сборника, хранящегося в РГБ³⁶, обратила внимание

на текст Сказания некоего «любомудреца Кифы» о чудесах митрополита Петра. Анализируя содержание памятника, она обнаружила, что его автор хорошо знаком с некоторыми придворными московского великого князя, являлся прихожанином Успенского собора, неплохо ориентировался в летописных текстах. Кое-какие дополнительные данные позволили Седовой заключить, что Кифа был автором свода 1518 года³⁷.

Несколько лет спустя было сделано еще одно замечательное открытие. Исследуя текст знаменитого памятника историографии XVI века – Степенной книги, А.В. Сиринов выделил написанное в 80-х годах XV века «Слово на второе пренесение мощей митрополита Петра» как самостоятельное произведение и расшифровал имя его автора. Им оказался священник церкви Ивана Лествичника в Московском Кремле некто Петр, он был очевидцем описываемых им событий и имел доступ в некое книгохранилище. А.В. Сиринову удалось доказать тождественность этого Петра и выведенного Р.А. Седовой из многовекового забвения Кифы³⁸. Некоторые иные обстоятельства, а также содержащееся в своде 1518 года известие о чуде исцеления сына священника церкви Ивана Лествичника у гроба митрополита Ионы (которое, в свою очередь, было заимствовано из летописи, впервые включившей текст «Хождения») позволяют видеть в хронисте, нашедшем тетради Никитина, именно Петра-Кифу³⁹.

Насколько точно летописец воспроизвел в своем труде текст «Хождения»? Сегодня еще нельзя дать достаточно обоснованный ответ на этот вопрос. Необходимо провести серьезную

работу по реконструкции авторского текста с использованием и других списков сочинения Никитина, сохранившихся с XV века вне летописной традиции.

Новая история «Хождения» открывается в начале XIX века, когда Троицкий список попадает в руки Н.М. Карамзина. Историограф сделал из памятника обширные выписки, опубликованные в примечаниях к «Истории государства Российского», но мнения о достоинствах произведения Никитина остался невысокого. Все его впечатление выражено в словах: «Мы имеем его записки, которые хотя и не показывают духа наблюдательного, ни ученых сведений, однако ж любопытны, тем более что тогдашнее состояние Индии нам почти совсем неизвестно»⁴⁰. Автор «Записок русского путешественника» смотрел на «Хождение» прежде всего как на источник сведений об Индии, мало видя в нем источник сведений о Руси.

Текст Летописного извода стал известен после публикации П.М. Строевым Софийского временника по рукописи Воскресенского монастыря⁴¹. Однако на протяжении долгого времени более точным списком, прежде всего из-за наличия в Летописном изводе двух пробелов вследствие утраты листов в общем протографе Софийской второй и Львовской летописей, считался Троицкий⁴². Лишь в третьем издании «Хождения» Летописный извод был напечатан отдельно по рукописи Эттерова списка Львовской летописи с исправлением по Архивскому списку Софийской второй и Троицкому списку⁴³.

³⁷ Седова Р. А. Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М., 1993. С. 116–120.

³⁸ См.: Сиринов А.В. Московский книжник конца XV в. Петр и его произведения // Труды Отдела древнерусской литературы (Пушкинский дом). Т. 52. СПб., 2001.

³⁹ Подробнее об этом см.: Кистерева С.Н. Эпизод истории частного московского летописания XV в. (В печати.)

⁴⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 6. М., 1998. С. 223.

⁴¹ Софийский временник, или Русская летопись с 362 по 1534 год. Ч. 1–2. М., 1821.

⁴² Правда, это не было общим мнением. Например, А.И. Андреев высказывал сомнения в справедливости утверждения о большей полноте и исправности Троицкого списка (Андреев А.И. Рец. на: «Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг.» // Вестник АН СССР. 1949. №6. С. 150.

⁴³ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л.: Наука. 1986. С. 5–17.

³² Хождение за три моря Афанасия Никитина. Тверь, 2003. С. 99.

³³ Там же.

³⁴ Шахматов А.А. Разбор сочинения И.А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». СПб., 1899. С. 42–44.

³⁵ Клосс Б.М., Назаров В.Д. Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV века // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984. С. 310; Летописные источники XV века о строительстве московского Успенского собора // Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов. XV – начало XVII вв. М., 1998. С. 534.

³⁶ РГБ, собр. Егорова, №950.

ка⁹ да лак. А от Канбалата к Чувилю¹⁰, от Чувиля мы пришли в седьмую неделю после Великого дня, а шли в таве шесть недель морем¹¹ до Чувиля.

И тут есть Индийская страна, и люди ходят все нагими, и голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу заплетены, все ходят брюхаты, детей родят каждый год, а детей у них много. А мужики и женки все наги, а все черны. Куда я пойду, за мной людей много – удивляются белому человеку. А князь их – фата на голове, а другая на бедрах¹², а бояре у них – фата на плече, а другая на бедрах, княгини ходят – фата через плечо перекинута, а другая на бедрах. А слуги княжие и боярские – фата на бедрах обернута, в руках щит и меч, иные с сулицами, а иные с ножами, иные с саблями, а иные с луками и стрелами; а все наги и босы, загорелы, а волос не бреют. Женщины ходят – голова не покрыта, а груди голы, а мальчики и девочки ходят нагими до семи лет, срам не прикрыт.

А из Чувиля пошли сухим путем до Пали¹³ восемь дней, это индийские города¹⁴. А от Пали до Умри¹⁵ десять дней, это город индийский. А от Умри до Чюнеря¹⁶ семь дней.

Правит тут – Асад-хан¹⁷ чюнерский индийский, он холоп меликтучара¹⁸, от которого держит семь тем¹⁹. У самого меликтучара под началом двадцать тем, и воюет с кафарами²⁰ двадцать лет: то они его побеждают, то он их неоднократно. Хан же Ас ездит на людях²¹. А слонов у него много, а коней у него много добрых, а людей у него много добрых хорасанцев²². А коней привозят из Хорасанской земли²³, других из Арабской земли²⁴, а иных из Туркменской земли, а других из Чагатайской²⁵, а привозят морем в тавах, это индийские корабли.

И я, грешный, привез жеребца в Индийскую землю и дошел с ним до Чюнеря, бог дал, здорову, и обошелся он мне в сто рублей²⁶. Зима же у них стала с Троицына дня²⁷. А зимовали мы в Чюнере, жили два месяца. Каждые день и ночь

посещали до 350 кораблей в год (*Петрушевский И.П. Комментарии // Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. / Под ред. Б.Д. Грекова, В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л.: АН СССР, 1948. (Литературные памятники). С. 160).*

⁹ Никитин имеет в виду синюю краску индиго.

¹⁰ Чувиль – Чаул, порт на западном побережье Индии южнее Бомбея. Служил пунктом посреднической торговли между северо-западными и южными областями Индии. По данным португальского источника начала XVI века, товарами на рынке Чаула выступали ткани, пряности, тростниковый сахар, изумруды. Экспортная торговля контролировалась мусульманскими купцами (*Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 146).*

¹¹ Имеется в виду длительность перехода от Ормуза до Чаула. Никитин особо оговаривает, что переход от Ормуза до Дега занял 14 дней, а от Дега до Чаула – 26, что в итоге соответствует 6 неделям.

¹² Никитин имеет в виду чалму (фота) и дхоти – кусок ткани, повязанный вокруг бедер.

¹³ Город восточнее Чаула, расположенный на склоне Западных Гхат.

¹⁴ В Троицком списке: «до индейския горы», то есть до Западных Гхат. Л.С. Семенов предполагает порчу текста в Летописном изводе при правильном чтении в Троицком (*Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 147).*

¹⁵ По предположению И.П. Минаева, Умра – город, расположенный на реке Сина к северу от Пали (*Минаев И.П. Старая Индия // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. №6. С. 187).* И.П. Петрушевский выразил сомнение в справедливости такого отождествления, основанного на слишком большой длительности пути в десять дней, указанного Никитиным (*Петрушевский И.П. Комментарии. С. 161).*

¹⁶ Чюнерь – Джунейр, Джуннар, город к востоку от Бомбея.

¹⁷ Асад-хан упоминается в индийских хрониках как приближенный к великому везиру Бахманидского султаната Махмуд Гавану. Казнен в 1481 году (*Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 148).* И.П. Минаев считал его комендантом Джуннарской крепости (*Минаев И.П. Старая Индия // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. №6. С. 211).*

¹⁸ Титул Махмуд Гавана (1405–1481), с 1463 года великий везир Бахманидского султаната. Буквально – «повелитель купцов» (*Виташевская М.Н. Афанасий Никитин. М., 1955. С. 18).*

¹⁹ Тьма – от монгольск. *тумен*, десять тысяч. В мусульманских государствах XIV–XV веков термин *тумен* (перс. *туман*) обозначал 10-тысячный войсковой корпус или военно-административный округ, на территории которого он формировался (*Петрушевский И.П. Комментарии. С. 155.*) Еще И.П. Минаев отмечал, что приводимые Никитиным данные о численности войск сильно преувеличены (*Минаев И.П. Старая Индия // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. №6. С. 226).*

²⁰ От арабск. *кафир* в значении «неверный», не мусульманин. У Никитина подразумеваются исключительно индусты, отличающиеся от мусульман, «бесермен», и христиан и евреев.

²¹ Имеется в виду передвижение сановников на носилках, несомых рабами.

²² Выходцы из Хорасана. Л.С. Семенов полагает, что Никитин так называет мусульман, выходцев из различных стран Азии и Африки (*Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 149).*

²³ Хорасан – северо-восточная область Ирана. В XV веке входил в состав державы Тимуридов. Населен ираноязычными народностями (персы, таджики, афганцы) и кочевыми тюркскими племенами.

²⁴ Аравийский полуостров. Скорее всего, его южные области, имевшие торговые связи с Индией.

²⁵ Чагатайское государство, улус второго сына Чингисхана, Чагатай. Включал в себя Мавераннахр, Семиречье и Кашгарию.

²⁶ Рубль по московскому счету равнялся 200 деньгам, или 33 алтынам 2 деньгам, при деньге в 0,39 г серебра.

²⁷ Зимой у Никитина называется период муссонных дождей, длящийся с июня до октября.

Афанасий Никитин

ХОЖДЕНИЕ ЗА ТРИ МОРЯ*

А Гурмыз¹ стоит на острове, и море наступает на него дважды на дню. И тут я отметил первую Пасху², а пришел в Гурмыз за четыре недели до нее. И потому я города не все назвал, что много еще городов больших. А в Гурмызе солнце печет, человека сожжет. В Гурмызе был я месяц, а из Гурмыза после Пасхи в день Радуницы³ пошел я в таве⁴ с конями⁵ за море Индейское.

И шли мы морем до Маската⁶ десять дней, а от Маската до Дега четыре дня, а от Дега до Кузрята⁷, а от Кузрята до Каанбаата⁸. Тут родится крас-

* Фрагмент. Печатается по: Хождение за три моря Афанасия Никитина. Тверь, 2003.

¹ Все разночтения в воспроизведении названий городов, местностей связаны с особенностями документа.

² Речь идет о Пасхе 1471 года как первом празднике, отмеченном в тексте «Хождения». За время странствий Никитина это была третья Пасха.

³ Радуница – девятый день после Пасхи.

⁴ Тип небольшого парусного судна, описанный Марко Поло: «Суда у них плохие, и немало их погибает, потому что сколочены они не железными гвоздями, а сшиты веревками из коры индийских орехов» (*Книга Марко Поло. М., 1958. С. 68).*

⁵ Многие источники сообщают о значительном экспорте из стран Передней Азии в Индию лошадей. Торговля лошадьми приносила большие прибыли.

⁶ Мошкат – Маскат, порт на Оманском берегу Аравийского полуострова. Пункт отправления кораблей в Индию.

⁷ Кузрят – Гуджарат, область в Западной Индии. С 1396 года независимое государство, включающее в себя Суратский полуостров с городом Диу, район Бомбея и ряд территорий к востоку (*Хождение за три моря Афанасия Никитина / Подг. Я.С. Лурье, Л.С. Семенов. Л.: Наука, 1986. (Литературные памятники). Комм. С. 146).*

⁸ Коанбаат – Камбей, порт у одноименного залива. Во второй половине XV века через этот порт осуществлялся экспорт хлопчатобумажных и шелковых тканей местного производства, индиго, соли, сердоликов и других товаров в страны Передней Азии. В начале XVI века гавань Камбея

всюду вода да грязь, и так четыре месяца. В те же дни у них пашут и сеют пшеницу, другие злаки, горох и все съестное. Вино же у них готовят в больших кокосовых орехах, а брагу делают в татну²⁸. Коней же кормят горохом, да варят рис с сахаром и приправами и с маслом²⁹, поутру дают им шешни³⁰. В Индийской земле кони не рождаются, в их земле рождаются быки да буйволы, на них ездят и товар возят, все делают.

Город же Чюнерь стоит на каменном острове, не укреплен ничем, богом создан. А ходят на ту гору в день по одному человеку: дорога узка, двоим разойтись нельзя.

В Индийской земле гости останавливаются на подворьях. Еду им готовят хозяйки, и постель стелят, и спят с ними³¹. Если имеешь с ней тесную связь, дай два житэля, если не имеешь тесной связи, даешь один житэль³². Много тут жен по правилу временного брака, и тогда тесная связь даром, а любят белых людей.

Зимой у них нужно ходить с фатой на бедрах, другой на плечах, а третьей на голове; а князья и бояре тогда на себя надевают порты, сорочку да кафтан, да фата на плечах, а другой опояшется, а третьей голову обернет. О Боже, Боже великий, Боже истинный, Боже благий, Бог милосердный!

А в том Чюнере хан взял у меня жеребца, а когда узнал, что я не бесерменин, а русин, и он говорит: «Жеребца дам и тысячу золотых дам, только перейди в веру нашу – в Махмет дени³³. А не станешь в веру нашу, в Махмет дени, и же-

ребца возьму и тысячу золотых на голове твоей возьму». И срок назначил четыре дня, в Успенский пост на Спасов день³⁴. Да Господь Бог смиловался, на свой честной праздник не оставил меня, грешного, милостью своей, не дал погибнуть в Чюнере с нечестивыми. И в канун Спасова дня приехал казначей Махмет хорасанец³⁵, и я бил ему челом, чтобы обо мне печаловался. И он ездил в город к хану и меня отпросил, чтобы меня в их веру не обращали, да и жеребца моего взял у него обратно. Таково господнее чудо на Спасов день. Братья русские христиане, кто хочет пойти в Индийскую землю – оставь веру свою на Руси, да, возгласив Махмета, иди в Гундустанскую землю.

Меня обманули псы бусурмане, сказывали, что много всего нашего товара, а для нашей земли нет ничего: все товар белый на бусурманскую землю: перец да краска, то и дешево. Когда возят волов морем, то пошлин не дают. А пошлин много, а на море много разбойников. А разбойничают кафары, ни христиане, ни бусурманы: молятся каменным болванам, а не знают ни Христа, ни Махмета.

А из Чюнеря мы вышли на Успенье к Бедерю, к главному их городу³⁶. И шли месяц до Бедеря, а от Бедеря до Кулонкеря³⁷ – пять дней, и от Кулонкеря до Кольберги³⁸ пять дней. Между теми большими городами расположено много других городов, всякий день проходили по три города, а то и по четыре: сколько ковов³⁹ – столько городов. От Чувиля до Чюнеря двадцать ковов, от

²⁸ Речь идет о соке, получаемом от разновидности пальмы – пальмиры. «Пальмира является основным источником тодди – напитка, популярного в тропической Азии. В течение года подсачиванием соцветия от каждой пальмы получают 300–400 л сока, из которого приготавливают вино, сахар, спирт, уксус» (Жизнь растений. Т. 6. М., 1982. С. 428).

²⁹ У Никитина: «кичири» – *кхичри*, индийское блюдо из риса с маслом и приправами.

³⁰ И.П. Петрушевский в *шешнях* видел рисовые лепешки (Петрушевский И.П. Комментарии. С. 164), а Л.С. Семенов – зеленые листья дерева *Dalbergia siccor* (Хождение за три моря. Комм. С. 151). Однако французский путешественник XVII века Тавернье писал, что в Индии коней кормят моченым горохом и мучными шариками с сахарным тростником. Последнее позволяет присоединиться к толкованию термина шешни, данному И.П. Петрушевским.

³¹ Этот обычай по другим источникам неизвестен. И.П. Минаев предполагал, что Никитин «слишком обобщил какое-нибудь личное приключение, пережитое им в качестве белого человека» (Минаев И.П. Старая Индия // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. №6. С. 190).

³² Житель – медная монета в Делийском султанате.

³³ «Мухаммед-дени» – «Мухаммедова вера», то есть ислам.

³⁴ Спасов день – 6 августа; Успенский пост длится с 1 по 15 августа.

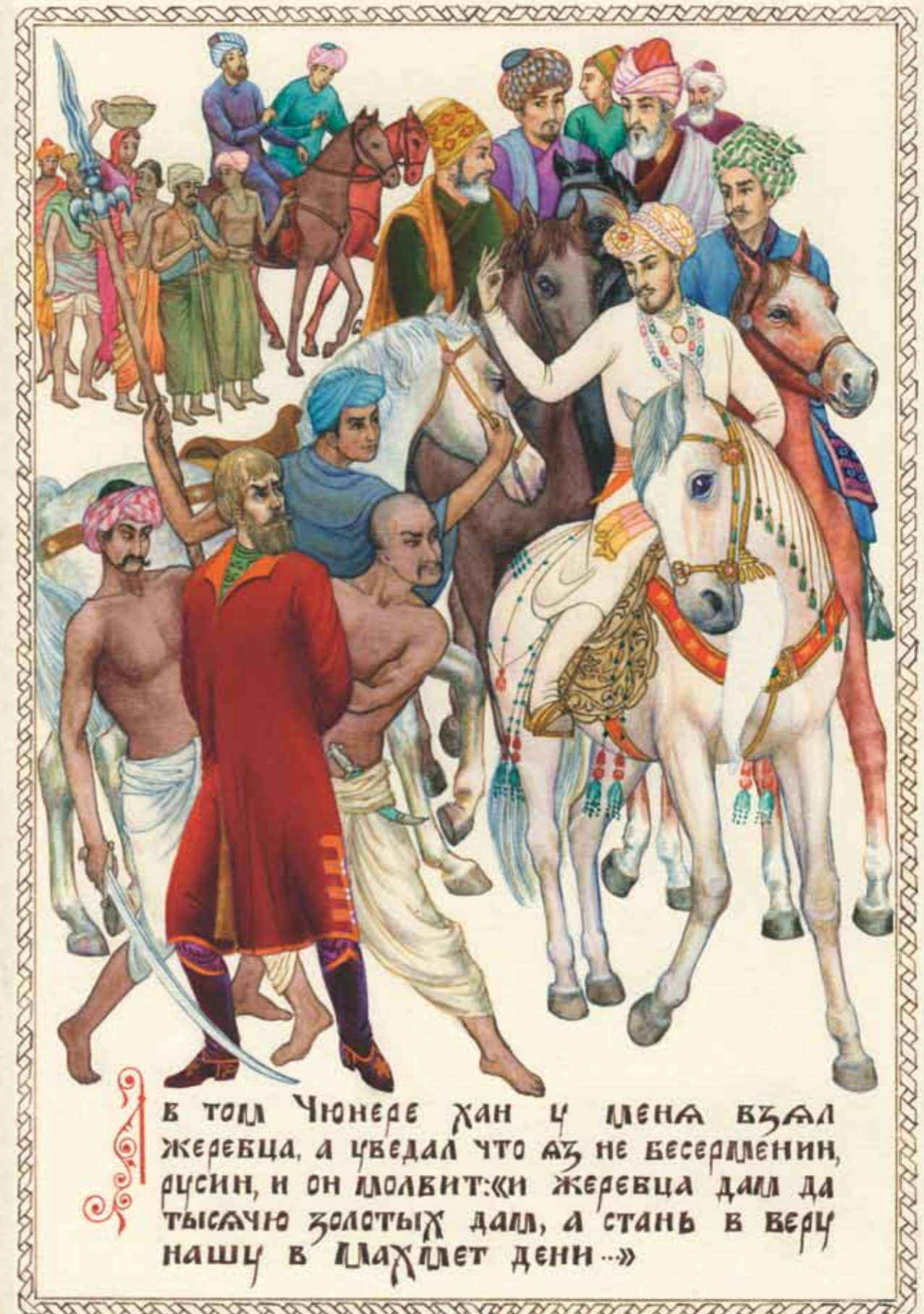
³⁵ Личность Махмета хорасанца остается неустановленной. К.И. Кунин считал возможным отождествление его с Махмуд Гаваном (Кунин К.И. Путешествие Афанасия Никитина. М., 1947. С. 29–30). Однако Л.С. Семенов справедливо возражает против такого отождествления, отмечая, что у Никитина Махмут Гаван всегда упоминается с титулом мелик-тучар, «глава купцов», а встреча его с Никитиным в описываемое время была невозможна, так как бахманидский сановник принимал тогда участие в военных действиях на южных границах султаната. Не совпадают и имена двух персонажей: Махмет – «любимый богом», Махмут – «любящий бога» (Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 152).

³⁶ Бедерь – Бидар, столица Бахманидского султаната с 1429 года.

³⁷ Кулонкерь – Кулонгерь, город в области Декан.

³⁸ Кольберг – Гульбарга, город в области Декан. До 1429 года – столица Бахманидского султаната.

³⁹ Ков – мера длины, разная по областям Индии от 3 до 15. По Никитину, ков примерно равен 10 верстам (1 верста=1,0668 км).

В том Чюнере хан у меня взял жеребца, а узнал что аз не бесерменин, русин, и он молвит: «и жеребца дам да тысячу золотых дам, а стань в веру нашу в Махмет дени...»

Чюнеря до Бедеря сорок ковов, от Бедеря же до Кулонгеря девять ковов.

В Бедере торгуют конями, разными товарами, камкой⁴⁰, шелком и всяким иным товаром, можно купить в нем черных людей, а другого купить нечего. Товар все гундустанский, а из съестного только овощи, а для Русской земли товара нет. А все черные люди злодеи, а женки все бляди⁴¹, колдуны да воры, да обман, да зелье, господ морят ядом.

В Индийской земле княжат все хорасанцы, а бояре все хорасанцы. А гундустанцы все пешеходы, в походе впереди хорасанцы на конях; а иные все пеши бегут, а все наги да босы, в руке щит, в другой – меч, а иные с большими прямыми луками да со стрелами.

Бой ведут все больше на слонах, да пеших пускают наперед, а хорасанцы на конях, да в доспехах и кони, и сами. Слонам к морде и к бивням привязывают большие кованые мечи, по кантару⁴² весом, да облачают слонов в булатные доспехи, да на спинах слонов сделаны башенки, и в тех башенках по двенадцать человек в доспехах, да все с пушками⁴³, да со стрелами.

Есть тут одно место – Алянд⁴⁴, где шейх Аладин святой лежит и ярмарка бывает. Раз в год на ту ярмарку съезжается торговать вся страна Индийская, торгуют десять дней; от Бедеря двенадцать ковов. Приводят продавать до двадцати тысяч коней, да всякий товар свозят. В Гунду-

станской земле этот торг лучший, всякий товар продают и покупают в дни памяти шейха Аладина, а на русский праздник Покрова Святой Богородицы.

Есть в том Алянде птица гукук⁴⁵, летает по ночам, а зовет «кук-кук»; а на котором доме сидит, там человек умрет, и кто ее хочет убить, ино у нее изо рта огонь выйдет. А мамоны⁴⁶ ходят по ночам да хватают кур, а живут они в пещерах или расщелинах. А обезьяны живут по лесам. А есть у них обезьяний князь, а ходит своей ратью⁴⁷. Если кто обезьян обидит, они жалуются своему князю, и те, придя к городу, дворы разрушат и людей побьют. А рать обезьянья, сказывают, очень велика, и язык у них свой. А детей родят много, да который родится ни в отца, ни в мать, тех оставляют по дорогам. Иные гундустанцы подбирают их да учат всяким рукоделиям, а других продают ночью, чтобы назад не знали дороги, а других учат людей забавлять.

Весна же у них началась с Покрова Святой Богородицы. А празднуют память шейха Аладина весной через две недели Покрова; а празднуют восемь дней. А весна считают три месяца, а лето три месяца, а зима у них три месяца⁴⁸.

Бедер же столица басурманского Гундустана. А город большой, а людей очень много. А султан молод, двадцати лет⁴⁹, а правят бояре, а княжат хорасанцы, а воюют все хорасанцы.

Есть хорасанец, меликтучар⁵⁰ боярин, и у того двести тысяч рати своей, а у Фарат-хана⁵¹ двадцать тысяч, а много таких ханов, у кого по десять тысяч рати. А с султаном выходит триста тысяч его войска.

А земля многолюдна и очень богата⁵², а бояре власть большую имеют и очень богаты. А каждого из бояр носят на носилках серебряных, да перед ними водят до двадцати коней в золотой сбруе, а за боярами триста всадников, а пеших пятьсот человек, да десять трубачей, да варганников десять человек, да десять человек свирельников.

А когда султан выезжает на прогулку с матерью да с женою, то с ним десять тысяч человек на конях следует да пеших пятьдесят тысяч, а слонов выводят двести, наряженных в золоченые доспехи, да перед ним сто трубников да плясунов сто человек, да ведут триста коней верховых в золотой сбруе, а позади него сто обезьян, да сто наложниц, а все юные девы.

В султанове же дворе семь ворот, а в воротах сидят по сто сторожей, да по сто писцов – кафаров. Кто пойдет, те записывают, а кто выйдет, те записывают. А чужестранцев в город не пускают. Двор же его очень красив, всюду резьба да золото, и последний камень вырезан да зо-

лотом расписан весьма чудно. Да во дворе у него разные сосуды.

Город же Бедер стерегут по ночам тысяча человек, подчиняющихся наместнику, а ездят в доспехах на конях да у всех по факелу⁵³.

А я своего жеребца продал в Бедере. Издержал на него шестьдесят восемь футунов⁵⁴, кормил его год. В Бедере по улицам змеи ползают, длиной по две сажени. Пришел я в Бедер в канун Филиппова поста⁵⁵ из Кулонгеря, а жеребца своего продал перед Рождеством.

И тут был в Бедере, до Великого поста⁵⁶, и познакомился со многими индусами. И сказал им свою веру, что я не бесерменин, а веры Иисусовой, христианин, а имя мне Афанасий, а по-бесерменски – господин Юсуф Хорасани⁵⁷. И они не стали от меня ничего скрывать, ни о еде, ни о торговле, ни о молитве, ни о других вещах, ни жен своих не стали прятать.

Да о вере же их разузнал все, и те говорят: веруем в Адама⁵⁸, а об идолах, говорят, то есть Адам и весь его род. А вер в Индии всех восемьдесят и четыре веры⁵⁹, а все веруют в идола. А вера с верою не пьет, не ест, не женится. Иные из них баранину, кур, рыбу, яйца едят, а говядины не ест никто. В Бедере же я был четыре месяца и сговорился с индусами пойти к Первоти⁶⁰, –

⁵⁰ Меликтучар – мелик-ат-туджар, «повелитель купцов», один из высших чинов Бахманидского султаната. Этот пост в описываемое время занимал перс, потомок старинной чиновной фамилии Махмуд Гаван.

⁵¹ Военачальник Мухаммед-шаха III, по мнению И. П. Минаева (*Минаев И.П. Старая Индия // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. №7. С. 81*), наместник одной из областей Бахманидского султаната. И.П. Петрушевский видел здесь иранское имя Фархад (*Петрушевский И.П. Комментарии. С. 174*).

⁵² Далее в Троицком списке: «а сельския люди голы велми. А бояре силны добре и пышны велми».

⁵³ Военные слуги правителя города.

⁵⁴ По И.П. Минаеву, от тамильск. *фанам* – южноиндийская золотая или серебряная монета, ценность которой различалась по областям (*Минаев И.П. Старая Индия // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. №7. С. 34*). Более правильным представляется иное толкование: *фута* – арабск. *фудта*, серебряная монета двойного достоинства: *футун* – *фудтын* (*Крымский А.Е. Що таке «фута» і «футунь» Афанасія Нікітина XV віку? // Записки історично-фіолологічного відділу Всеукраїнської АН. Кн. 18. Київ, 1928. С. 265*).

⁵⁵ Филиппов пост длится с 14 ноября по 24 декабря.

⁵⁶ Великий пост начинается за семь недель до Пасхи.

⁵⁷ Данное прозвище, по мнению А.А. Зимина, свидетельствует о причастности Никитина в прошлом к торговле с хорасанцами, по аналогии с сурожанами, торговавшими с Сурожем (*Зимин А.А. Рец.: «Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг.» // Вопросы истории. 1949. №7. С. 141*). Текст «Хожения» Никитина не содержит сведений, подтверждающих это предположение. Более верным видится суждение И.П. Петрушевского, полагавшего, что во время нахождения тверского купца в Хорасане у него возникли тесные связи с местными купцами, что побуждало его причислять себя к ним, находясь в Индии (*Петрушевский И.П. Комментарии. С. 175*). Возможно, существенную роль в данном отношении играла принадлежность Никитина к купеческому сообществу, составлявшему караван, продвигавшийся от Чувиля к Бидару. В пользу этого, на наш взгляд, говорит употребление Никитиным множественного числа при описании пути морем от Отмуза до Чувиля и по суше от Чувиля до Бидара: «а шли есмь морем до Машката», «а ис Чювиля сухом пошли есмь до Пали», «а ис Чюнеря есмь вышли на Оспожин дель к Бедерю» и т. д. А.С. Семенов полагал, что само нахождение в течение некоторого времени в Хорасане уже давало Никитину право в мусульманской среде Индии называть себя хорасанцем (*Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 157*).

⁵⁸ Комментируя текст: «и оны сказывают: веруем въ Адама», И.П. Петрушевский писал, что эти слова Никитина, по-видимому, свидетельствуют об отождествлении почитаемого индусами мифического первочеловека Ману с еврейско-христианско-мусульманским первочеловеком Адамом (*Петрушевский И.П. Комментарии. С. 177*).

⁵⁹ И.П. Минаев видел здесь «приблизительно точное» число религиозных сект, существовавших в Индии в XV веке (*Минаев И.П. Старая Индия // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. №7. С. 37*), а И.П. Петрушевский допускал смешение у Никитина религиозных сект с кастами (*Петрушевский И.П. Комментарии. С. 175*).

⁶⁰ Храм Парвати (Шри-Парвати) – один из наиболее почитаемых храмов, посвященных Шиве и его жене Парвати, расположен на южном берегу реки Кистны.

⁴⁰ Расшитая золотом шелковая ткань.

⁴¹ Обычно данное место переводится: «а женки все гулящие». Это неверно, поскольку радикальным образом изменяет смысл, заложенный автором. У Никитина речь идет не о роде занятий, профессии, а о нраве, на что указывает совмещение в одной фразе указания на «женок» и «злодеев черных людей», под которыми подразумеваются мужчины. В связи с этим представляется возможным трактовать выражение «черные люди» как обозначение социального статуса. На Руси «черными людьми» именовалась основная масса податного городского и сельского населения.

⁴² Кантар – различающаяся в зависимости от местности мера веса.

⁴³ В 60–70-х годах XV века доставляемые из Западной Европы пушки были в повсеместном употреблении у мусульманских народов Ирана, Средней Азии, Индии (*Петрушевский И.П. Комментарии. С. 168*).

⁴⁴ Алядинанд – Аланд, город к северо-востоку от Гулбарги (около 45 км). Далее Никитин пишет о местном святом шейхе Алладине.

⁴⁵ В индийской поверьях – зловещая ночная птица, в реальности, вероятно, сова.

⁴⁶ Греческое *мамон* в русском просторечии «брюхо, обжора» (*Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб.-М., 1881. С. 296*). И.И. Срезневский считал возможным возводить к арабск. *taitun* – обезьяна. И.П. Минаев, отмечая различия у Никитина мамонов и обезьян, которые вряд ли занимались ловлей кур и жили на скалах, возводил к хинди – змей. Л.С. Семенов, исходя из неоднократного упоминания в тексте Никитина мамонов и, видимо, неоднозначного понимания этого слова, в качестве возможного значения приводит и «леопард» (*Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 155*).

⁴⁷ Несомненно, во время странствий по Индии Никитин смог ознакомиться с циклом мифов, составляющих эпос Рамааяна, о царе обезьян Сугриве, его полководце Ханумане, союзниках героя эпоса царевича Рамы. Вероятно, знакомство это проходило в устной форме (*Минаев И.П. Старая Индия // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. №6. С. 222*).

⁴⁸ В Троицком изводе далее: «а осень 3 месяца».

⁴⁹ Султан из династии Бахманидов Мухаммед-шах III (Шамсуддин Мухаммед-шах ибн Хумайюн, годы правления: 1463–1482). При вступлении на престол ему было 9 лет, и, следовательно, в момент написания в 1474 году Никитиным текста «Хожения» султану должно было исполниться двадцать. Л.С. Семенов полагает, что в словах Никитина «а держат бояре» содержится скрытое осуждение правителя, передавшего все управление вельможам (*Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 155*).

БУТХАНА ЖЕ ВЕЛИКА ВЕЛИКА, ЕСТЬ С ПОЛ-ТВЕРИ, КАДЕНА ДА РЕЗАНЫ ПО НЕЙ ДЕЯНИЯ БУТОВЫЯ, ОКОЛО ЕЯ ВСЕЯ ИЗ РЕЗАНО ВЕНЦОВ, КАК БУТ ЧУДЕСА ТВОРИЛ

это их Иерусалим, а по-бесерменски – Мекка⁶¹, где их капище. Шел с индусами до храма месяца, и у того храма ярмарка, пять дней. А храм очень большой, с пол-Твери, каменный, а по стенам резаны деяния бутovy⁶². Около него вырезаны двенадцать венцов, как бут чудеса совершал, как им являлся в разных образах: первый – в образе человека являлся, другое – человек с носом слона, третье – человек в обязыньем виде, в четвертый раз – человек в образе лютого зверя⁶³. А являлся с хвостом⁶⁴. А вырезан из камня, а хвост через него перекинут в сажень.

К храму съезжается вся Индийская страна на чудо бутovy⁶⁵. Да у храма бреются старые и молодые, женщины и девочки. А бреют все волосы на себе, и бороды, и головы, и хвосты⁶⁶ да идут к храму. С каждого человека взимают по две шешкени⁶⁷ пошлины на бута, а с коней – по четыре футы⁶⁸. А съезжается к храму всего людей двадцать тысяч лахов, а бывает время и сто тысяч лахов.

В храме же бут вырезан из черного камня, огромный, да хвост перекинут через плечо, да руку правую поднял высоко и простер ее, как Юстиниан, царь цареградский⁶⁹, а в левой руке у него копье. На нем нет ничего, а бедра у него обвязаны ширинкою, а вид обезьяний. А другие бутy нагие, ничего на них нет, срам не прикрыт, а жены

бутовы вырезаны нагими, со срамом и с детьми. А перед бутом – стоит вол огромный⁷⁰, а вырезан из черного камня и весь позолочен. А целуют его в копыто, и сыплют на него цветы. И на бута сыплют цветы.

Индусы же не едят никакого мяса, ни говядины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиней у них очень много. Едят же по два раза в день, а ночью не едят, а не пьют ни вина, ни сыты⁷¹. А с бесерменами не пьют, не едят. А еда у них плоха. Друг с другом не пьют, не едят, даже с женой. А едят рис, да кхичри⁷² с маслом, да травы разные, а варят с маслом да с молоком, а едят только правой рукой, а левою – не возьмется ни за что. А ножа не держат и ложки не знают. А у дороги кто варит себе кашу, и у всякого по котелку. А от бесермен прячутся, чтобы не посмотрел ни в котелок, ни на еду. А если посмотрит, то эту еду не едят. Едят обычно, покрываясь платом, чтобы никто их не видел.

А молятся они на восток, как русские. Обе руки поднимают высоко и кладут на темя, да ложатся ниц на землю, да весь вытянется на земле – то их поклоны⁷³. А есть садятся – и обмывают руки и ноги, и рот прополаскивают. А храмы же их без дверей⁷⁴, обращены на восток, и идолы стоят на восток. А кто у них умрет, тех жгут

⁶¹ Никитин сравнивает святилище в Парвати с крупнейшими центрами христианской и мусульманской религий, подчеркивая и, вероятно, преувеличивая его значение в религиозной жизни Индии.

⁶² Бут – широко известное на мусульманском востоке обозначение идола вообще.

⁶³ Никитин описывает скульптурные изображения воплощений (др.-инд.: аватара, нисхождение) божества в смертное существо при сохранении им божественной природы. Л. С. Семенов, идентифицируя описываемого Никитиным бута-идола с Шивой, тем не менее отмечает несовпадение количества приводимых в «Хождении» аватар с их числом у божества Вишну, полагая, что таковых было только десять (Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 158). Однако число аватар Вишну не ограничивалось десятью наиболее известными и общепринятыми, в индуистской мифологии известны и 28 специфических аватар Шивы (Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. С. 25). Изображение человека с головой слона не относится к числу аватар божеств, олицетворяя Ганеша, сына Шивы и Парвати (там же. С. 264).

⁶⁴ Никитин принял за хвост изображение священного шнура, перекинутого через плечо Шивы.

⁶⁵ Имеется в виду отмечаемый в феврале – марте ежегодный праздник в честь Шивы – Шиваратри, «ночь Шивы».

⁶⁶ Вероятно, искажение текста допущено в Летописном изводе, в Троицком упоминание о хвостах отсутствует. Бритье волос считалось началом очистительного обряда (Минаев И.П. Старая Индия // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. №7. С. 34).

⁶⁷ Шешкени равнялась шести мелким серебряным монетам (шешь (перс.) – шесть, кени – серебряная монета).

⁶⁸ См. комм. 54.

⁶⁹ Описание статуи Юстиниана содержится в нескольких произведениях древнерусской литературы. Наиболее подробное из них – в Хождении Стефана Новгородца, побывавшего в Константинополе в 1348 или 1349 году и вскоре после этого составившего описание своего путешествия см.: Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 28. А.А. Зимин видел в этом упоминании след хорошего знакомства Никитина с русской паломнической литературой (Зимин А.А. Рец.: «Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг.». С. 141). Другие исследователи допускали, что Никитин мог сам видеть статую Юстиниана во время предшествующего путешествия в Константинополь.

⁷⁰ Имеется в виду слуга, привратник и друг Шивы Нандин, изображавшийся в виде белого быка.

⁷¹ Сыта – сдобренная медом вода, медовой взвар, разварной мед на воде (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб.-М., 1882. С. 377). Л.С. Семенов, исходя из условий пребывания Никитина в Индии, считал, что автор «Хождения» так называл какой-то местный напиток (Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 160).

⁷² См. комм. 29.

⁷³ «Это описание «осьмичленного поклонения», то есть ногами, коленами, руками, грудью, головою» (Минаев И.П. Старая Индия // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. №7. С. 49).

⁷⁴ И.П. Минаев отмечал это известие Никитина как непонятное. Индийские храмы славились своими разукрашенными воротами (Минаев И.П. Старая Индия // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. №7. С. 48).

да пепел сыплют на воду. А у жены дитя родится, принимает муж, а имя сыну дает отец, а дочери – мать⁷⁵. А добронравия у них нет, а стыда не знают. А когда придет кто или уходит, кланяется по-монашески, обе руки до земли опустят, а не говорят ничего.

К Парвату же ездят на Великий пост. Тут их Иерусалим; а по-бесерменски – Мекка, а по-русски – Иерусалим, по-индийски – Парват. А съезжаются все нагие, только повязка на бедрах, а женки все нагие, только фата на бедрах, а иные в фатах, да на шее жемчугу много, да яхонтов⁷⁶, да на руках обручи и перси⁷⁷ золотые. Ей-богу! А внутрь, к храму, ездят на волах, а у вола рога окованы медью, да на шее у него триста колокольчиков, да копыта подкованы медью. А тех волов называют ачче.

Индусы же вола называют отцом, а королю – матерью. На навозе пекут хлеба и еду варят себе, а пеплом тем мажут по лицу, по лбу и по всему телу. В воскресенье и в понедельник едят они один раз на дню. В Индии же гулящих женщин много, и потому они дешевые: если имеешь с ней тесную связь, дай два житэля; хочешь свои деньги на ветер пустить – дай шесть житэлей. Так в сих местах заведено. А рабы и рабыни-наложницы дешевы: 4 фуны хороша, 5 фун⁷⁸ хороша и черна; черная-пречерная амьчюкь маленькая, хороша.

От Парвата приехал я в Бедер за пятнадцать дней до бесерменского улу байрама⁷⁹. А Пасхи

и Воскресения Христова не знаю; а по приметам гадаю – Пасха бывает христианская раньше бесерменского байрама за девять дней или за десять⁸⁰. А со мной нет ничего, никакой книги; книги мы взяли с собой с Руси, но когда меня пограбили, то и их взяли, а я забыл всю веру христианскую – праздники христианские, ни Пасхи, ни Рождества Христова не знаю. И живя среди иноверных, я молю Бога, пусть он сохранит меня: «Господи Боже, Боже истинный, ты Бог, Бог великий, Бог милосердный, Бог милостивый, всемилостивейший и всемилосерднейший ты, Господи Боже. Бог един, то царь славы, творец неба и земли».

А иду я на Русь⁸¹ с думой: погибла вера моя, постился я бесерменским постом. Месяц март прошел, и я заговел с бесерменами в воскресенье, да постился месяц, мяса не ел и ничего скоромного, никакой еды бесерменской, а ел каждый день по два раза хлеб да воду, с женщиной не ложился я. Да молился Христу вседержителю, кто сотворил небо и землю, а другого никакого имени не призывал. Господи Боже, Бог милостивый, Бог милосердный, Бог господь, Бог великий, Бог царь славы, Бог зиждитель, Бог всемилостивейший, – это все ты, о Господи.

А от Гурмыза морем идти до Галата⁸² десять дней, а от Галата до Дегу шесть дней, а от Дега до Мошката шесть дней, а от Мошката до Кучьзрята десять дней, а от Кучьзрята до Камбата четыре дня, а от Камбата до Чувиля двенадцать

⁷⁵ И.П. Минаев отмечал, что эта подробность не подтверждается туземными памятниками: обязанностью отца было наречение имени и сыну, и дочери (*Минаев И.П.* Старая Индия // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. №7. С. 49).

⁷⁶ Драгоценный камень, сапфир или, реже, рубин. Последний имел и другое название – лал (от перс. *лале* – тюльпан).

⁷⁷ Специфическое чтение Летописного извода. Возможно, ошибочное «перси» читается вместо правильного «перстьни» (Троицкий список).

⁷⁸ Серебряная монета, сорок две фуны приравнялись к одной золотой варахе. По И.П. Минаеву, существовали золотые фуны, шестнадцать золотых фун приравнялись к золотой варахе (Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 160).

⁷⁹ Улу-байрам, или Курбан-байрам (праздник жертвоприношения). Один из главных мусульманских праздников по лунному календарю.

⁸⁰ Данная попытка Никитина установить соотношение между переходящими праздниками христианского и мусульманского календарей имеет значение хронологического указания: Л.С. Семенов определил, что такой временной промежуток между христианской Пасхой и мусульманским Улу-байрамом указывает на 1470 год (Хождение за три моря Афанасия Никитина Комм. С. 160).

⁸¹ Л.С. Семенов, отметив, что это первое упоминание о намерении Афанасия вернуться домой не имеет конкретного характера, заключил, что данный текст писался ранее мая 1472 года, когда было принято окончательное решение о возвращении на Русь. Однако необходимо обратить внимание на содержание последующей фразы, написанной на койне, что вместе с комментируемыми словами читается как: «А иду я на Русь с думой: погибла вера моя, постился я бесерменским постом» (перевод А.Д. Желтикова). Очевидно, что в целом написанное у Никитина выражает не намерение в будущем возвратиться на Русскую землю, а совершающийся факт этого возвращения, на что указывает настоящее время глагола («иду» вместо ожидаемого, по Л. С. Семенову, «пойду»). Таким образом, ничто не противоречит выводу, что данная фраза написана в 1474 году, когда Никитин на самом деле подвигался к тверским пределам. Выражение «иду на Русь» не свидетельствует о нахождении Никитина в данный момент вне пределов этнической русской территории. Афанасий умер, не дойдя Смоленска, на территории Великого княжества Литовского в границах 70-х годов XV века, то есть вне собственно Русского государства (Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 161).

⁸² Галат – порт Кальхат (орфография Никитина обусловлена фонетическими особенностями произношения) на Оманском берегу близости Маската. Никитин в этом городе не был.

дней, а от Чувиля до Дабыля⁸³ шесть дней. Дабыль же в Индостани последняя бесерменская⁸⁴ пристань. А от Дабыля до Келекота⁸⁵ двадцать пять дней пути, а от Келекота до Силяна⁸⁶ пятнадцать дней, а от Силяна до Шаибата⁸⁷ месяц идти, а от Шабата до Певгу⁸⁸ двадцать дней, а от Певгу до Чани и до Мачина⁸⁹ месяц идти, весь путь морем. А от Чини до Китая⁹⁰ идти по суше шесть месяцев, а морем четыре дня. Да устроит мне Господь крышу над головой.

Гурмыз же пристань большая, со всего света люди в нем бывают, всякий товар в нем есть, что на всем свете родится, то в Гурмызе все есть. Тамга⁹¹ же велика, десятую часть от всего собирают.

Камбят же пристань всему Индийскому морю. Делают здесь на продажу алачи⁹², пестря-

ди⁹³, киндяки⁹⁴, да готовят тут краску синюю⁹⁵, да родится здесь лак и камень сердолик и соль.

Дабыль же пристань очень большая, сюда привозят коней из Египта, из Аравии⁹⁶. Да идут сухим путем до Бедера и до Кельберги месяц.

А Келекот⁹⁷ же пристань всего Индийского моря. Пройти мимо нее не дай бог никакому кораблю, кто ее не заметит, тот дальше по морю⁹⁸ благополучно не пройдет. А родится там перец, да имбирь, да цвет, да мускатный орех, да корица, да гвоздика, да пряные корни много. И все там дешево. А рабы и рабыни многочисленны, хорошие и черные.

А Силян – пристань немалая на Индийском море. И лежит там праотец Адам на горе высокой⁹⁹. А там родится дорогое камень – рубины, фатисы¹⁰⁰, белые агаты, бинчай¹⁰¹, хрусталь, да

⁸³ Дабыль – Дабхол, порт в 136 км от Бомбея.

⁸⁴ Отмечая, что указание Дабыля как последнего мусульманского порта при наличии последующего описания у Никитина возвращения войск Махмуда Гавана после покорения более южных областей носит характер анахронизма, Л.С. Семенов выдвинул предположение, что справочные данные о портах Индийского моря имеют характер дневниковых записей, сделанных в двухнедельный период после посещения Никитиным храма Парвати и до торжественной встречи войск Махмуда Гавана (Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 161–162). Это предположение основано на априорном допущении, что текст «Хождения» в целом является в большей своей части дневником путешественника. Вместе с тем ни из чего не следует, что справочные сведения были получены Никитиным лишь после посещения им Парватского храма. Полученные от посторонних лиц, эти сведения могли быть записаны Никитиным в любое предшествующее время, но при работе над текстом «Хождения» включены в него после описания пребывания в Парвати. По этой причине нет необходимости ни относить их получение к двухнедельному сроку до возвращения из похода Махмуда Гавана, ни считать их частью дневника в буквальном понимании этого слова. Требуется специальное исследование характера путевых записок Афанасия Никитина и возможности отнесения их к жанру дневника.

⁸⁵ Келекот – Каликут, порт, известный ныне как Кожикод. Главный порт государства Виджаянагар.

⁸⁶ Силян – Цейлон.

⁸⁷ Страна, точное местоположение которой до настоящего времени не определено. Наиболее убедительным выглядит мнение Л.С. Семенова, считавшего, что она располагалась на Индийском побережье Бенгальского залива (Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 162–163).

⁸⁸ Область на территории современной Бирмы с центром в городе Пегу.

⁸⁹ Вероятно, имелся в виду Южный Китай. Северный Китай назывался Хатай.

⁹⁰ Здесь Северный Китай.

⁹¹ Введенная татарскими завоевателями пошлина с продажи товара, взимавшаяся на Руси в пользу великокняжеской казны. По-видимому, Никитин использует привычное ему слово для обозначения местной торговой пошлины.

⁹² Ткань из сученых шелковых и бумажных ниток (*Минаев И.П.* Старая Индия // Журнал Министерства народного просвещения. №6. 1881. С. 183).

⁹³ Ткань из разноцветных ниток (*Минаев И.П.* Старая Индия // Журнал Министерства народного просвещения. №6. 1881. С. 183).

⁹⁴ Бумажная набойная ткань, в Древней Руси употреблявшаяся на подкладку одежды (*Минаев И.П.* Старая Индия // Журнал Министерства народного просвещения. №6. 1881. С. 183).

⁹⁵ Синяя краска индиго, упоминаемая Николо Конти и Сан-Стефано как предмет экспорта из Камбея (Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 163).

⁹⁶ В Троицком списке названы еще три области, откуда импортировались кони в Дабхол: «изъ Хоросани, ис Туркустани, из Негостани».

⁹⁷ Еще И.И. Срезневский полагал, что все сведения о портах Индийского моря южнее Дабыля Никитин получил от хорасанских купцов, сам в них не бывая (*Срезневский И.И.* Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466–1472 гг. С. 297–298).

⁹⁸ Вероятно, Никитин пишет о средневековом портовом праве, согласно которому каждый плывущий мимо купеческий корабль был обязан заходить в порт, чтобы транспортируемые на нем товары были предложены для реализации на местном рынке.

⁹⁹ По мусульманским поверьям, изгнанный из рая Адам в знак искупления несколько лет провел на упомянутой Никитиным горе. Возможно, здесь отразилось знакомство Афанасия с мусульманским преданием (*Минаев И.П.* Старая Индия // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. №7. С. 53).

¹⁰⁰ Камень, употреблявшийся для изготовления пуговиц, например на царских одеждах (Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 164).

¹⁰¹ Смола из дерева *styrax benzoin* (*Срезневский И.И.* Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. С. 299. Прим. 171). Стиракс бензойный произрастает в Китае, Индокитае, Восточной и Юго-Восточной Азии.

сумбаду¹⁰². Да разводят слонов, да продают их в локоть, а корицу продают по весу.

А Шабатская пристань в Индийском море очень большая. А хорасанцам дают корм по тенке¹⁰³ на день, и великому и малому. А кто в нем женится из хорасанцев, и шабатский князь жертвует по тысяче тенек да корм дает ежемесячно по пятидесяти тенек. И родится в Шабате шелк, да сандал, да жемчуг – и все дешево.

А в Певгу тоже немалая пристань. Да все в нем живут индийские дервиши, а родится в нем камень дорогое – драгоценные камни яхонты и рубины, а продают те камни дервиши.

А Чинская и Мачинская пристань весьма велики. Делают там фарфор и продают его на вес, дешево. А жены их со своими мужьями спят днем, а ночью ходят спать к чужестранцам, да спят с ними, а дают им корм и приносят с собой сахарную еду и вино сахарное, да кормят и поят гостей, чтобы их любили, а любят гостей людей белых, потому что их люди очень черны. А зачнет жена от гостя дитя, и мужья дают корм. А родится дитя белое, тогда гостю пошлины триста тенек, а черное родится, и ему нет ничего, что пил да ел, то ему даром.

Шабатит же от Бедеря 3 месяца; а от Дабыля до Шабата 3 месяца морем идти. Мачим да Чим от Бедеря 4 месяца морем идти, делают там фарфор, да все дешево; а до Силяна 2 месяца идти морем, а до Келекота месяц.

В Шабайте же родится шелк, да скатный¹⁰⁴ и простой жемчуг, да сандал; слонов же продают в локоть. В Силяне рождаются аммоны, да рубины, да фатисы, да хрусталь, да белые агаты. В Келекоте родится перец, мускат, гвоздика, фуфал, да цвет. В Кузряте же родится краска да лак, да в Камбояте – сердолик.

В Рачуре¹⁰⁵ же родится алмаз старой копи и новой копи алмазы. Продают почку¹⁰⁶ его по пяти рублей, а доброго – по десяти рублей почка. Почка алмаза новой копи идет по пять кени,

черного – по четыре-шесть кени, а белого алмаза – одна тенка. Алмаз родится в каменной горе, а продают ту гору каменную по две тысячи золотых фунтов¹⁰⁷ за локоть новой копи, а старой копи продают локоть по десять тысяч золотых фунтов. А земля та принадлежит Мелик-хану¹⁰⁸, холопу султана. А от Бедеря до нее тридцать ковов.

А что жида говорят, что жители Шабата их веры, и то лгут: шабатене не жида, не мусульмане, не христиане, у них иная вера, индийская, ни с иудеями, ни с мусульманами не пьют, не едят, а мяса никакого не едят. Да в Шабате же все дешево. Родится шелк да очень дешевый сахар. Да по лесу у них мамоны ходят да обезьяны, и по дорогам людей дерут, поэтому у них ночью по дорогам из-за мамонов и обезьян не осмеливаются ездить.

От Шабата сухим путем 10 месяцев идти, а морем – 4 месяца на корабле. У оленей домашних режут пупки – в них мускус родится; а дикие олени пупки роняют в лесу, и тогда из них запах исходит, потому что мускус тот несвежий бывает¹⁰⁹.

Первого мая Пасху отметил в Бедере мусульманском в Гундустане, а мусульмане байрам справляли в середине месяца, а заговел первого апреля. О благоверные русские христиане! Кто по многим землям много плавает, во многие беды впадает и веры христианской лишается. Я же, рабище Божий Афанасий, сожалею о вере христианской. Уже прошло четыре Великих поста и прошло четыре Пасхи, я же, грешный, не знаю, что Пасха или пост, ни Рождества Христова не знаю, ни иных праздников не ведаю, ни среды, ни пятницы не знаю, а книг у меня нет. Когда меня пограбили, то и книги у меня взяли. Я же от великой беды пошел до Индии, потому что мне на Русь пойти не с чем, не осталось у меня никакого товара. Первую же Пасху отметил в Каине¹¹⁰, а другую – в Чабакаре

Смола стиракса бензойного, обладающая приятным запахом благодаря высокому содержанию бензойной кислоты и ванилина, высоко ценилась в древние времена и находит широкое применение в настоящее время (Жизнь растений. Т. 5. Ч. 2. М., 1981. С. 99).

¹⁰² И.И. Срезневский, опираясь на сведения Идриси и Казвени, видел здесь наждак (Срезневский И.И. Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. С. 299. Прим. 171).

¹⁰³ Тенке – денежная единица, соответствующая 64 кени.

¹⁰⁴ Жемчуг высшего качества.

¹⁰⁵ Рачур – название города и области в составе Бахманидского государства.

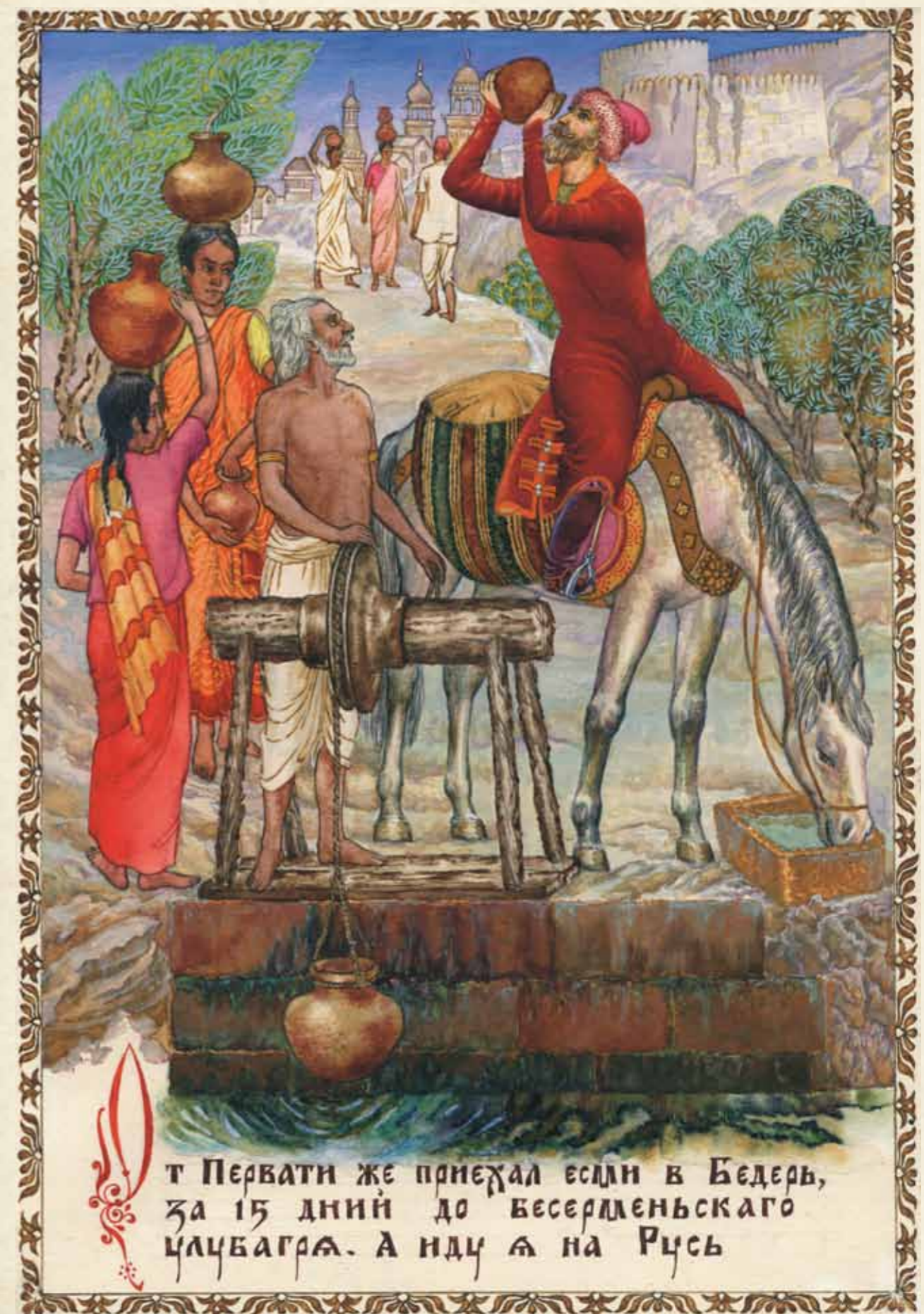
¹⁰⁶ Хорошо известно соответствие почки конца XVI–XVII веков: 1/25 части золотника в 4,266 г, то есть 0,17 г.

¹⁰⁷ В русской денежно-весовой системе фунт как мера веса не применялся по отношению к золоту. В связи с этим кажется вероятным искажение первоначального текста позднейшими переписчиками, почему стало читаться «фунтов» вместо «футунов» (Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 166).

¹⁰⁸ Вероятно, речь идет о Мелик Хасане, наместнике Теленганы.

¹⁰⁹ Речь идет о мускусном олене, кабарге. Мускус использовался для изготовления лекарств и благовоний, являлся предметом экспорта.

¹¹⁰ Л.С. Семенов отметил, что такого пункта в маршруте Никитина нет и налицо ошибка памяти автора «Хождения». На самом деле первую пасху путешественник отметил в Чапакуре (Семенов Л.С. Путешествие Афанасия Никитина. М.: Наука, 1980. (История науки и техники). С. 61).

т Первати же приехал есми в Бедерь,
за 15 дний до бесерменьскаго
цлцбагра. А нду а на Русь

в Мазандаранской земле, третью – в Гурмызе, четвертую Пасху встретил в Индии, с мусульманами, в Бедере, здесь же много плакал о вере христианской.

Мусульманин же Мелик¹¹¹ меня много понуждал перейти в мусульманскую веру. Я же ему сказал «Господи! Ты молитву совершаешь, и я также молитву совершаю. Ты пять раз молитву совершаешь, я – три раза. Я – чужестранец, а ты – здешний». Он же мне говорит: «Поистине, ты не кажешься мусульманином, но и христианства не знаешь». Я же много размышлял и сказал сам себе: «Горе мне, окаянному, с пути истинного сбился и не знаю уже, по какому пути пойду. Господи, Боже вседержитель, творец неба и земли! Не отврати лица от рабища твоего, ибо в скорби я. Господи! Посмотри на меня и помилуй меня, ибо я твое создание; не отврати меня, Господи, с пути истинного, наставь меня, Господи, на путь правый, ибо поневоле никоей же добродетели не сотворил тебе, Господи Боже мой, все дни свои во зле прибыл. Господи, мой Бог покровитель, ты, Боже, Господи милостивый, Господь милосердный, милостивый и милосердный. Хвала Богу! Уже прошло четыре Пасхи в бесерменской земле, а христианства не оставил. Далее Бог ведает, что будет. Господи Боже мой, на тебя уповал, спаси меня, Господи Боже мой».

В мусульманской части Индии, в Великом Бедере, в канун Пасхи ночью видел, что Волосыни и Кола вошли в зорю, а Лось головой стоял на восток¹¹².

На мусульманский байрам совершил султан торжественный выезд, а с ним двадцать великих везирей да триста наряженных в булатные доспехи слонов, с башенками на спинах, а башенки окованы, и в каждой по шести человек в доспехах с пушками и пищалями, а на больших слонах по двенадцать человек. Да на каждом слоне

по два знамени больших, да к бивням привязаны великие мечи по кентарю весом, а к рылу привязаны большие железные гири. А промеж ушей сидит человек в доспехах, и крюк у него большой железный, которым правит слона. Да коней простых тысяча в золотой сбруе, да сто верблюдов с большими барабанами, да триста трубников, да триста плясунов, да триста наложниц. А на султана кафтан весь унизан яхонтами, а на шапке шишак из большого алмаза, да саадак золотой с яхонтами, да три сабли, окованные золотом, и золотое седло, и золотая сбруя, и все золотое. А перед ним скачет пеший кафар, играет теремцом, а за ним много пеших. Да за ним идет бешеный слон, а весь в камку наряжен, и отгоняет людей, а во рту у него большая железная цепь, и бьет коней и людей, чтоб кто из них к султану близко не подступил.

А брат султана сидит на золотых носилках, да над ним терем бархатный, а маковка золотая с яхонтами, а несут его двадцать человек.

А Махмут сидит на золотых же носилках, над ним терем шелковый с золотой маковкой, а везут его на четырех конях в золотой сбруе. Да около его многое множество людей, да перед ним певцы и плясуны во множестве; да все с оголенными мечами да саблями, со щитами и сулицами, с копьями и большими прямыми луками, и кони все в доспехах, да саадаки у них. А иные все наги, одно платище на бедрах, срам завешан.

В Бедере полный месяц стоит три дня. В Бедере сладких овощей нет. В Гундустане сильной жары нет. Сильная жара в Гурмызе да в Кытобагряиме¹¹³, где родится жемчуг, да в Жиде¹¹⁴, да в Мисре¹¹⁵, да в Аравии, да в Ларе. А в Хорасанской земле жарко, да не так, а в Чеготаях очень жарко. В Ширазе¹¹⁶, в Езде, в Кашане жарко, и ветер бывает. А в Гиляне¹¹⁷ очень душно и парит

сильно, а в Шамахе парит зло, да в Вавилоне¹¹⁸ жарко, а в Ляпе¹¹⁹ не так.

В Севастийской области¹²⁰ и в Гурмызской земле¹²¹ всего в изобилии. И Турецкая земля всем обильна, и в Волошской земле¹²² обильно и дешево, и Подольская земля¹²³ всем богата. А Русскую землю Бог да сохранит! Боже, храни ее! Господи, храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей. Но почему князья земли Русской не живут друг с другом как братья! Пусть устроится Русская земля, а то мало в ней справедливости. Боже, Боже, Боже, Боже!

Господи, Боже мой! На тебя уповал, спаси меня, Господи! Пути не знаю, которым пойду из Гундустана: на Гурмыз пойти, а из Гурмыза на Хорасан пути нет, ни на Чаготай пути нет, ни в Багдад пути нет, ни на Катобагряим пути нет, ни на Езд, ни на Аравию, но всюду усобица князей повыбивала. Яншумырзу¹²⁴ убил Узоасанбег¹²⁵, а Султамусяита отравили¹²⁶, а Узоасанбег сел в Ширазе, и земля не окрепла. А Едигер Махмет к нему не едет: опасается¹²⁷. А иного пути никуда нет. А на Мекку идти, значит, стать в мусульманскую веру, потому что христиане в Мекку не ходят. А жить в Гундустане, так все имущество проесть, потому что у них все дорого: я один человек, и то по два с половиной алтына на еду идет в день, а ни вина не пил, ни сыты.

Меликтучар взял два индийских города, что разбойничали на Индийском море¹²⁸. Семь князей захватил и казну их взял: вьюк яхонтов, да

вьюк алмазов и рубинов, да сто вьюков дорогого товара, а иного товару бесчисленно рать взяла. А стоял под городом два года, а войск с ним двести тысяч, да сто слонов и триста верблюдов.

Меликтучар пришел со своей ратью к Бедерю на курбан байрам, а по-русски – на Петров день. И султан послал десять везирей встретить его за десять ковов, а в кове по десяти верст, а со всяким везирем по десять тысяч своей рати, да по десять слонов в доспехах.

А у меликтучара каждый день садятся за стол по пятьсот человек. А с ним за его скатерью садятся три везира, и с каждым везирем по пятьдесят человек, и его сто верных бояр. На конюшне у меликтучара 2000 коней, 1000 день и ночь стоят готовы оседланы, и 100 слонов на конюшне. Да каждую ночь его двор стерегут сто человек в доспехах, да 20 трубников, да 10 барабанов, да 10 больших бубнов, по два человека бьют.

Мызамылк, Мек-хан, да Хафарат-хань¹²⁹ взяли три больших города¹³⁰. А с ними их рати сто тысяч человек да 50 слонов. И они взяли бесчисленно яхонтов и всяких драгоценных камней множество. А все те камни и яхонты, да алмазы скупили на меликтучара, и он запретил мастерам продавать камни гостям¹³¹. А те¹³² пришли к Бедерю на Успенье.

Султан выезжает на потеху в четверг и во вторник, а с ним выезжают три везира. А брат султана выезжает в понедельник с матерью и с сестрой. И с ними две тысячи женщин выез-

¹¹⁸ Вавилон – Багдад, далее называемый Никитиным Бодат.

¹¹⁹ В Троицком списке более пространно: «да Хумите, да в Шаме варно, а в Аяпе». Хумит – Хумс, древняя Эмеса; Шам – Сирия и ее центр Дамаск; Аяп – Халеб или Алеппо.

¹²⁰ Город в восточной части Малой Азии Сивас (древняя Сивастия).

¹²¹ В Троицком списке: «в Гурзынской земле», то есть «в Грузии». Л.С. Семенов полагает первичным чтение Троицкого списка (Хождение за три моря Афанасия Никитина. С. 27), не приводя достаточных аргументов в пользу своего мнения, тогда как имеются основания отдавать приоритет чтению Летописного извода.

¹²² Волоская земля – Молдавия.

¹²³ Подолия – область в верхнем течении Днестра.

¹²⁴ Мирза Джеханшах – правитель тюрок Кара-Койюнулу, в ноябре 1467 года погибший в сражении с войсками Узун Хасана.

¹²⁵ Узоасанбег – Узун Хасан, в 1453–1478 годах правитель тюрокского государства Ак-Койюнулу.

¹²⁶ Салтамусяита – Абу Сайд, тимуридский султан, правивший в 1461–1469 годах в Средней Азии. В 1469 году пленен войсками Узун Хасана и Фаррух Яссара и выдан своему родичу и сопернику тимуриду Мухаммед Ядигару, по приказу которого в феврале того же года обезглавлен. Вероятно, находившийся в то время еще на Кавказе или в Иране, Никитин пользовался дошедшими до него слухами об отравлении Абу Сайда (Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 172).

¹²⁷ Едигер Махмет – Мухаммед Ядигар, погибший в междоусобной войне в 1470 году. Видимо, данный факт остался Никитину неизвестен, хотя нельзя исключить и возможную неисправность авторского текста «Хождения».

¹²⁸ Имеется в виду война 1469–1472 годов, завершившаяся взятием городов Гоа и Сангамешвар.

¹²⁹ Мызамылк – низам-аль-мульк, титул Малик Хасана. Хафарат-хан – наместник области Берар Фатхуллы Дарьян-хан. Неясно, кто скрывается под именем Мек-хана.

¹³⁰ Речь идет о взятии крепостей Варангал, Кондаполли, Раджамандри (Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 173).

¹³¹ М.Н. Виташевская считала, что, возможно, сам Никитин был в числе купцов, безуспешно стремившихся приобрести алмазы (Виташевская М.Н. Афанасий Никитин. С. 19).

¹³² Я.С. Лурье и Л.С. Семенов при переводе текста «Хождения» отнесли данную фразу к гостям-купцам (Хождение за три моря. С. 54), тогда как более верным кажется видеть в местоимении «те» упомянутых выше полководцев – низам-аль-мульк Малик Хасана и Фатхуллу Дарьян-хана.

¹¹¹ Возможно, что речь идет о Мелик Хасане, ранее упоминавшемся Никитиным как Мелик-хан.

¹¹² Никитин употребляет русские названия созвездий Плеяд, Ориона и Большой Медведицы.

¹¹³ Кытобагряим – Бахрейнские острова у Аравийского побережья Персидского залива. Не исключено, что на островах Никитин смог побывать во время пребывания в Ормузе (Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 169).

¹¹⁴ Жидда – Джидда, порт на Аравийском побережье Красного моря. В XV веке был тесно связан с Индией (Петрушевский И.П. Комментарии. С. 187). Л.С. Семенов предполагал, что в городах, которые Никитин не посещал во время «Хождения за три моря», он успел побывать ранее, по Сирии, Ираку и Египту он мог путешествовать, имея целью Иерусалим (Хождение за три моря. Комм. С. 170). Отсутствие иной кроме климатической характеристики некоторых азиатских городов, вопреки обычаю Никитина хотя бы кратко описывать благоустройство и торгово-экономическое состояние пунктов его остановок, уже указывает на то, что в этих городах Никитин никогда не бывал и более подробных сведений о них не имел.

¹¹⁵ В Троицком списке: «в Мисюре», то есть в Египте или непосредственно в Каире.

¹¹⁶ Шираз – Шираз, центр провинции Фарс на юге Ирана. Во время путешествия Никитина областью управлял один из сыновей султана Ак Койюнулу Узун Хасан. Город лежал на пересечении караванных путей, и основная торговля Ирана и Средней Азии с Индией проходила через него.

¹¹⁷ Гилян – Гилян, юго-западное побережье Каспийского моря. Не исключено, что Никитин мог посетить этот район во время пребывания в лежащем к востоку Мазендеране. В данном случае подробности об этой области не представлялись Никитину необходимыми по той же причине, по какой он не описывал другие прикаспийские центры: предполагаемый Афанасием русский читатель хорошо знал южное и юго-западное побережье Каспия.

жает на конях да золоченых носилках¹³³. Да перед ними ведут коней в золотых доспехах, и много пеших людей с матерью султана, да два везиря и 10 везирыней, да 50 слонов в суконных пополах, на каждом слоне по четыре человека нагих, одно платище на бедрах. Да пешие женщины нагие, которые за ними носят воду – пить и подмываться, а один у другого воды не пьет.

Меликтучар выехал воевать индийцев из города Бедеря со своим войском на память шейха Аладина, а по-русски – на Покров Святой Богородицы, а войска с ним вышло 50 тысяч. А султан послал своего войска 50 тысяч, с которым пошли три везиря, а с ними еще 30 тысяч да сто слонов с башнями и в доспехах, а на каждом слоне по четыре человека с пищалями. Меликтучар пошел воевать великое индийское княжество Чюнедар¹³⁴. А у бинедарского князя¹³⁵ 300 слонов, да сто тысяч рати и 50 тысяч коней.

Султан выехал из города Бедеря в восьмой месяц после Пасхи, да с ним 26 везирей – 20 бесерменских, а 6 индийских. А с султаном выехало его двора рати сто тысяч всадников, а двести тысяч пеших, да 300 слонов с башнями и в доспехах, да сто львов, каждый на двух цепях.

А с султановым братом вышло его двора 100 тысяч пеших да 100 слонов, наряженных в доспехах.

А с Мол-ханом вышло его двора 20 тысяч конных, а 7¹³⁶ тысяч пеших, да 20 слонов наряженных. А с Бездер-ханом и его братом вышло 30 тысяч конных и 100 тысяч пеших, да слонов наряженных 25 с башенками¹³⁷. А с Сул-ханом вышло его двора 10 тысяч конных, а 20 тысяч пеших и 10 слонов с башенками. А с Возыр-ханом вышло 15 тысяч конных людей и 39 тысяч пеших, да 15 наряженных слонов. А с Кutowал-ханом вышло его двора 15 тысяч конных, да 40 тысяч пеших, да 10 слонов. А со всяким везирем по 15 тысяч, а с иным 15 тысяч конных, а пеших 20 тысяч.

А с индийским правителем 40 тысяч конных, а пеших сто тысяч, да 40 слонов, наряженных

в доспехах, и на них по четыре человека с пищалями.

А с султаном вышло 26 везирей, а со всяким везирем по 10 тысяч его войска, а пеших 20 тысяч, а с иным из них 15 тысяч конных людей и по тридцать тысяч пеших. А индийских четыре великих везиря, а с ними их рати 40 тысяч конных людей, а пеших 100 тысяч. И султан разгневался на индийцев, что их мало, и правитель еще прибавил 20 тысяч пеших, двести тысяч всадников да 20 слонов. Такова сила индийского басурманского султана. Мухаммедова вера им годится. А раст дени худо донот – а правую веру Бог ведает. А правая вера – единого Бога знать и имя его во всяком месте чистом в чистоте призывать.

На пятую Пасху замыслил я идти на Русь. Шел из Бедеря града за месяц до улу багряма бесерменского по вере Мухаммеда, посланника божья. А Пасхи христианской не знаю, Христова воскресения, а постился с мусульманами в их пост, с ними и разговелся, и Пасху встретил в Келберге, от Бедеря десять ковов.

Султан пришел с меликтучаром с ратью своей в пятнадцатый день после улу багряма в Келбергу, а война им не удалась – один индийский город¹³⁸ взяли, а людей их много погибло и казны много истратили.

А индийский великий князь¹³⁹ очень силен, и рати у него много, а сидит в горе в Бичинегере¹⁴⁰. А город его очень большой, окружен тремя рвами, и через него река течет. С одной стороны густые джунгли, а с другой долина – весьма чудесное место, для всего пригодное. На другую же сторону пройти нельзя, дорога идет через город, а город неоткуда взять, гора велика да чащоба злая, колючая. Под городом же рать стояла месяц, и люди умирали от безводицы, и очень много погибло с голоду и от безводицы. На воду смотрит, а взять неоткуда¹⁴¹.

А индийский город взял господин меликтучар, а взял его силой, день и ночь бился с городом 20 дней, рать ни пила, ни ела, под горо-

¹³³ И.П. Минаев видел в выезжавших на конях «женках» гаремную стражу из женщин (Минаев И.П. Старая Индия // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. №6. С. 220).

¹³⁴ Чюнедар – государство Виджаянагар и его столица.

¹³⁵ Последний правитель династии Сангама, махараджа Виджаянагара Вирупакша II (1465–1486) (Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 174).

¹³⁶ Специфическое чтение Архивского списка, в Эттерове и Троицком – 60.

¹³⁷ В Эттерове списке: «городки».

¹³⁸ Город Белгаон был взят в 1473 году.

¹³⁹ Имеется в виду Вирупакша II.

¹⁴⁰ Город Виджаянагар.

¹⁴¹ По сообщению индийских хроник, в 1473 году область Декан подверглась сильной засухе. Осаждающие Виджаянагар воины, вероятно, могли видеть воды реки Тунгабхарды, протекавшей через город, не имея возможности к ней приблизиться (Хождение за три моря Афанасия Никитина. Комм. С. 175–176).

дом стояла с пушками. И рати его погибло пять тысяч лучших воинов. А город взял – вырезали 20 тысяч мужского полу и женского, а 20 тысяч – и взрослых, и малых – в плен взяли. А продавали пленного по 10 тенек, а детей по две денги. А казны совсем не было, а большого города не взял.

А от Келбергу пошел я до Кулури¹⁴². А в Кулури родится сердолик, и здесь его обрабатывают, и отсюда по всему свету развозят. А в Курили триста алмазников, оружие украшают. И здесь пробыл пять месяцев, и пошел к Калики¹⁴³. Здесь очень большой базар. А оттуда пошел к Конаберга, а от Конаберга к шейху Аладину. А от шейха Аладина пошел к Амендрии, а из Каменьдрия к Нарясу, а от Кинаряса к Сури,

а от Сури пошел к Дабыли, пристани моря Индийского.

Дабыль очень большой город, и к тому Дабыли съезжается все индийское и эфиопское поморье. Здесь же я, окаянный рабище Афанасий, Бога вышнего, творца небу и земле, призадумался о вере христианской и о Христовом крещении, о постах, святыми отцами устроенных, о заповедях апостольских и устремился мыслию на Русь пойти. Взшел на корабль и доверился о проездной плате – за себя два золотых дойти до города Гурмыза. А взшел я на корабль в городе Дабыле до Пасхи за три месяца в мусульманский пост.

В оформлении использованы работы художника А. Мелихова из серии «Хождение за три моря»

¹⁴² Куллури – город Каллур неподалеку от Райчура.

¹⁴³ Калики – город Коилконда.

С.В. Скородумов

Колумб российской индологии

К 260-летию со дня
рождения Г.С. Лебедева

...Под древом жизни храм тебе назначил Бог,
Постелей – шар земной, растения – покровом;
В наружном блеске благ нет истинных отрад;
Доставить может их одна лишь чиста совесть...¹

Шанкара. Мохамудгара (Молот, сокрушающий заблуждение). Перевод Герасима Лебедева

В экспозиции одного из залов Музея истории Ярославля соседствуют два интересных изображения: медведица с секирой, символ города, и колонна царя Ашоки со львами и надписью на санскрите: «Торжествует только Истина». Соединением таких далеких друг от друга символов музей обязан ярославцу Герасиму Степановичу Лебедеву (1749–1817). В начале XIX века в России не было человека, чьи знания об

¹ Цит. по: Васильков Я.В. Герасим Лебедев, Г.Р. Державин и первый русский перевод санскрита // Идеи космизма в философии, науке и искусстве. История и современность. Материалы международной научно-общественной конференции. СПб., 2009.

Индии были бы столь же обширными. Его труды послужили основой новой науки – индологии.

Герасим Лебедев родился в семье ярославского священника в 1749 году. Отца Лебедева звали Стефаном, мать – Прасковьей. У него были два брата, Афанасий и Трефил, и сестра Антонида. Его отец подвергся в Ярославле «насильственному утеснению» и вынужден был уехать из города. Вот, пожалуй, и все, что нам известно об ярославском периоде жизни будущего индолога².

Откуда же возник у Лебедева интерес к Индии? Возможно, этот интерес пробудила встреча с индийскими купцами, которые начиная с XVII века посещали Ярославль, приплывая из своей астраханской колонии. А может быть, в далекое путешествие его позвали услышанные в детстве сказки и легенды, которые именно Индию называли земным раем, откуда люди когда-то давным-давно вынуждены были уйти.

Знакомясь с биографией и деятельностью Лебедева, нельзя не восхититься его талантом и силой духа. Купеческий Ярославль середины XVIII века дал миру ученого и просветителя, основавшего в Бенгалии первый национальный театр европейского типа. Сколько раз этому «бурборственному путешественнику в пользу отечеству»³ приходилось начинать все сначала, преодолевая

трудности, которые одна за другой вставали на его пути. Не имея возможности обучиться грамоте, он освоил ее только в возрасте 15 лет, после переезда к отцу, певчому Придворной капеллы, в Санкт-Петербург. Зато потом Лебедев овладел несколькими европейскими и индийскими языками. По собственному признанию, он смог научиться «случайно музыкальному искусству»⁴. Да так, что его игре на виолончели с восхищением внимали благодарные слушатели в нескольких частях света.

В 1777 году Лебедев вместе с русским посольством направился в Неаполь⁵. Вероятно, уровень его музыкального мастерства был уже достаточно высок. Ведь посольство возглавлял граф А.К. Разумовский – большой ценитель музыки, который общался с крупнейшими композиторами Западной Европы и лично знал Моцарта, Гайдна и Бетховена⁶. Посольство задержалось в Вене из-за начавшейся в 1778 году войны Австрии с Пруссией за Баварское наследство. Далее Герасим Степанович путешествовал по Европе самостоятельно. Как он писал, в надежде, «что музыкальное мое искусство может доставить мне пропитание»⁷. С 1777 по 1782 год Лебедев успешно выступал при дворах нескольких европейских стран, продолжал изучение музыки и европейских языков.

² Воробьев-Десятовский В.С. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817) // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1956. С. 38.

³ Лебедев Г.С. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагменов, священных обрядов их и народных обычаев. Ярославль: Академия развития, 2009. С. 32.

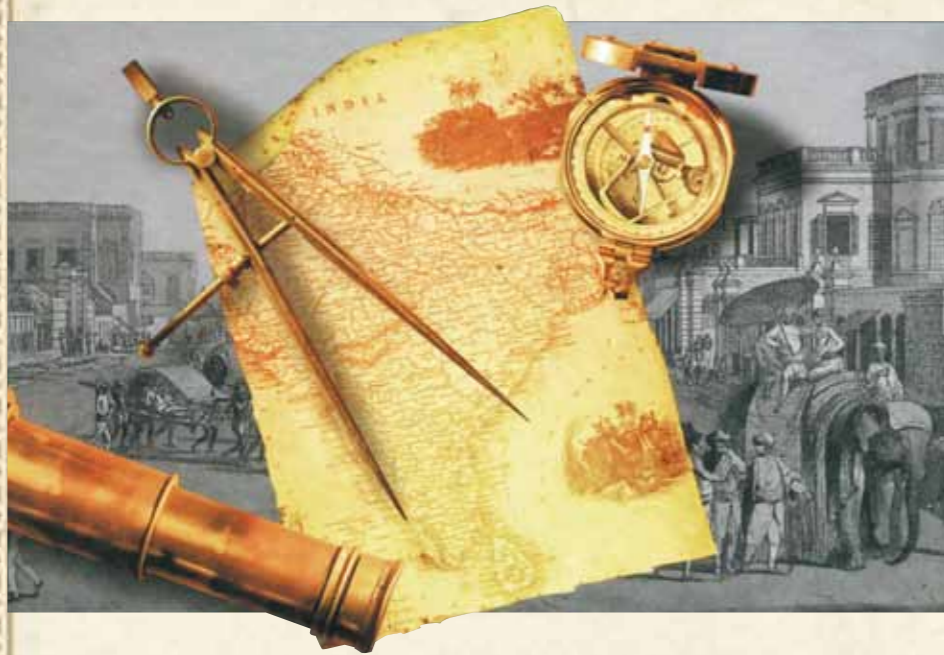
⁴ Там же. С. 27.

⁵ Воробьев-Десятовский В.С. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817). С. 39.

⁶ Там же. С. 39. Гайдн очень ценил его музыкальную чуткость А.К. Разумовского, а Бетховен посвятил ему три квартета.

⁷ Лебедев Г.С. Беспристрастное созерцание... С. 27.

Но более всего Лебедева привлекала Индия. Почему? На этот вопрос он ответил сам: «...Восточная Индия <...> есть та первенствующая часть света, из которой, по свидетельству разных бытописателей, род человеческий по лицу сего земного круга рассеялся и которая национальный Шомскритский язык⁸, не довольно со многими азиатскими, но и с европейскими языками имеет весьма ощутительное в правилах сближение⁹. Посетить прародину, колыбель, из которой когда-то давным-давно вышло человечество, познакомиться с ее языками и древней культурой – что может быть интереснее этого заманчивого предприятия?

В мае 1782 года в Париже Герасим Лебедев был представлен цесаревичу Павлу Петровичу и его супруге Марии Федоровне, которые путешествовали по Европе под именами граф и графиня Северные¹⁰. Они одобрили его намерение побывать в Индии. С большим интересом к планам Лебедева

отнесли сопровождавшие наследника престола князь Б.А. Куракин и священник А.А. Самборский. В Лондоне Лебедев получил покровительство русского посла С.Р. Воронцова и священника посольской церкви Я.И. Смирнова¹¹.

Путешествие Лебедева к «жемчужным берегам» Индии началось 12 февраля (по старому стилю) 1785 года. В Гревсэнде (Англия) он сел на борт корабля «Родней» (Rodney)¹² под командованием капитана Уэзмана¹³ и 15 августа прибыл в Мадрас, где его буквально на следующий день пригласил к себе градоначальник Вильям Сиденгэм (William Sydenham)¹⁴ и предложил двухгодичный контракт на музыкальные выступления за 200 фунтов стерлингов в год поверх сбора¹⁵.

Пребывание в Мадрасе, по признанию Лебедева, было гармоничным и приятным¹⁶. Наряду с занятиями музыкой он «несколько научился <...> малбарскому¹⁷ народному языку»¹⁸. Но в течение первых двух лет «древняя наука брагменов» оставалась для него недоступной. Не нашлось индийцев, которые могли бы перевести на английский книги, хранящие мудрость древней страны. Брахманы считали страшным грехом обучать санскриту представителей низших каст и, тем более, чужестранцев¹⁹.

Жажда познания вела Лебедева все дальше. Следующим городом была столица Британской Индии – Калькутта, куда он прибыл в августе 1787 года. Но и здесь Лебедев в течение долгого времени не мог найти учителя. Помощь пришла буквально

в последний момент – в 1789 году его серкар (домоуправитель) познакомил Герасима Степановича с учителем Голокнатхом Дасом. Лебедев стал брать у него уроки хиндустани, санскрита и бенгали, а взамен, помимо жалованья, обучал того европейской музыке²⁰. Они начали заниматься буквально на следующий день после знакомства. Осваивать индийские языки было в то время особенно трудной задачей. Европейская наука делала в этой области только первые шаги. Голокнатх Дас посоветовал Лебедеву начать с санскритской азбуки, поскольку это – «золотой, все открывающий ключ к неопределимым сокровищам восточных наук и знания»²¹. Изучив бенгальский язык, Герасим Степанович перевел с английского две комедии: «Притворство» Джордрелли и «Любовь – лучший врач»²². В интерпретации Лебедева действие комедии «Притворство» было перенесено из Венеции в Индию. Героями пьесы стали бенгальцы. Для проверки точности текстов Герасим Степанович попросил ученых пандитов прочесть его переводы и получил их полное одобрение.

Лебедев решил осуществить театральные постановки переведенных им пьес. Возможно, здесь сыграл свою роль пример его земляка и современника – ярославца Федора Волкова, ставшего основателем русского национального театра.

Наверное, Герасим Степанович даже представить себе не мог, какие трудности и испытания ожидают его на пути этой просветительской деятельности. Знакомые англичане посчитали его новое предприятие ненадежным и даже опасным. Ост-Индская компания отказалась предоставить ему помещение своего театра для постановки, видя в нем конкурента. Его планы называли донкихотскими. И тогда Герасим Степанович арендовал у Джогоннатха Гангули здание на улице Дом-толлы (Dome-Line, ныне Eura Street), 25²³, перестроив его под театр с двухэтажным зрительным залом, вмещавшим более 300 человек. Для этого Лебедеву пришлось стать архитектором и даже руководить строительными работами: «И, когда на воздвигнутых кирпичных и деревянных столбах и подпорах, перекладах и на забойках положена была

уже кровля, в портере (в зале) и в двух этажах (рядом) насланы были полы, старал[с]я я потом на отделенном для представления явлений полу, подобно моему земляку ярославцу Федору Волкову в Калкуте, будто в Москве, намолевал ширмы в бенгальском вкусе»²⁴.

Играли в театре бенгальские актеры и актрисы, найденные Голокнатхом Дасом: десять мужчин и три женщины, а также музыкальная труппа из десяти человек. Было получено разрешение на представление от губернатора Индии Джона Шора²⁵. Наконец, 27 ноября 1795 года состоялось первое представление сцен из комедии «Притворство». В спектакль были включены песни на стихи известного бенгальского поэта Бхарот Чондро Рая. Музыку к ним написал сам Лебедев²⁶.

«Собрание было столь многолюдно, что естли бы театр мой был трижды больше, конечно был бы наполнен»²⁷, – писал Лебедев. Второй раз, 21 марта 1796 года, пьеса была показана полностью, вызвав огромный интерес у бенгальской публики. Лебедев получил разрешение у губернатора и на постановку английских пьес. Как он писал, его «фартуна на крыльях несла»²⁸.

Былые насмешки антрепренера английского театра Томаса Роварта (Thomas Rowarth) над планами Лебедева сменились завистью²⁹. В глазах колониального общества деятельность Лебедева по организации театра для туземцев, на которых было принято смотреть свысока, выходила за всякие рамки. «Не вспомнил, при заботах, что в купеческом государстве златоблестящая руда, как и сребросияющая кровь в театральных и жадных богатства людях, возпала ненависть, заставит суетиться, опорочить и повредить иностранцево похвальное дело и довести до падения»³⁰, – сетовал Лебедев. Его недруги разработали целый план по уничтожению театра. К Лебедеву подослали декоратора Дж. Бэттля, который будто бы терпел сильные притеснения со стороны руководства английского театра³¹. Бэттль настолько убедительно рассказал ему свою выдуманную жизненную историю, «что не привыкшаго обманы и плутовства проникать заставил почти прослезиться»³²,

⁸ Имеется в виду санскрит.

⁹ Фраза из кн. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагменов, священных обрядов их и народных обычаев, Всеавгустейшему монарху посвященное; собрано на Российском языке и издано жившим в Калкутте Герасимом Лебедевым. СПб.: Типография автора, 1805. (Цит. по: Воробьев-Десятовский В.С. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817). С. 40.)

¹⁰ Лебедев Г.С. Беспристрастное созерцание... С. 27.

¹¹ Воробьев-Десятовский В.С. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817). С. 41.

¹² Там же. С. 41.

¹³ [Лебедев Г.С.] К истории русско-индийских культурных связей. Из тетрадей Г.С. Лебедева (1795–1797 гг.). [Публ. и прим. К.А. Антоновой] // Исторический архив. 1956. № 1. С. 164.

¹⁴ Там же. С. 160, 164.

¹⁵ Гамаюнов Л.С. Из истории изучения Индии в России (К вопросу о деятельности Г.С. Лебедева) // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1956. С. 93.

¹⁶ [Лебедев Г.С.] К истории русско-индийских культурных связей. Из тетрадей Г.С. Лебедева (1795–1797 гг.)... С. 164.

¹⁷ Вероятно, тамильский язык. См.: Воробьев-Десятовский В.С. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817). С. 43.

¹⁸ Лебедев Г.С. Беспристрастное созерцание... С. 28.

¹⁹ Воробьев-Десятовский В.С. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817). С. 44.

²⁰ Гамаюнов Л.С. Из истории изучения Индии в России. С. 95.

²¹ [Лебедев Г.С.] К истории русско-индийских культурных связей. Из тетрадей Г.С. Лебедева (1795–1797 гг.)... С. 165.

²² Воробьев-Десятовский В.С. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817). С. 45.

²³ Там же. С. 46.

²⁴ [Лебедев Г.С.] К истории русско-индийских культурных связей. Из тетрадей Г.С. Лебедева (1795–1797 гг.)... С. 169.

²⁵ Гамаюнов Л.С. Из истории изучения Индии в России. С. 96.

²⁶ Воробьев-Десятовский В.С. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817). С. 44.

²⁷ [Лебедев Г.С.] К истории русско-индийских культурных связей. Из тетрадей Г.С. Лебедева (1795–1797 гг.)... С. 170.

²⁸ Там же.

²⁹ Воробьев-Десятовский В.С. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817). С. 48.

³⁰ Там же. С. 48.

³¹ Там же. С. 49.

³² [Лебедев Г.С.] К истории русско-индийских культурных связей. Из тетрадей Г.С. Лебедева (1795–1797 гг.)... С. 171.

и Лебедев со временем сделал его своим компаньоном. Очень скоро он понял, сколь бесчестный человек находится рядом с ним. Но было уже поздно, их связывали договорные обязательства. Бэттль портил декорации, всячески тормозил дело, увольнял преданных Лебедеву людей. Подготовленную оперу «Дезертир»³³ поставить так и не удалось. В конце концов Бэттль едва не сжег театр. Он распорядился установить на огонь горшок со смолой и оставил его без присмотра. Горшок лопнул, смола загорелась. Работники театра едва успели потушить начавшийся пожар песком. Впоследствии Бэттль, выполнив «миссию», вернулся к своему хозяину.

Лебедев решил искать справедливость в суде. Система английского правосудия считалась показательной. Но правды добиться не удалось. Маховик заговора продолжал раскручиваться с необычайной силой. На него посыпались один за другим иски от его работников. 2 апреля 1797 года Герасима Лебедева даже арестовали. И хотя ему удалось защитить свою честь, судебные баталии подорвали его здоровье и разорили. Бывшие высокопоставленные друзья (а среди них были градоначальник Калькутты полковник Александр Кид и судья Верховного суда Джон Хайд) практически отвернулись от Лебедева. В первой половине мая 1797 года оборудование театра пришлось разобрать и продать. Однако и в этих тяжелейших условиях он сохранял силу духа. Герасим Степанович писал: «Знайте, однако ж, я не жалуясь на добровоспи-

танное общество, а только на таких, которые бесчестят их государства похвальное имя...»³⁴

В конце 1797 года Лебедев, разоренный и больной, принял решение вернуться в Европу. Садясь 25 ноября на фрегат Ост-Индской компании «Лорд Тарлоу» (Lord Thurlow)³⁵ под командованием капитана В. Томсона, Лебедев увозил с собой небольшой тюк с подарками друзьям и знакомым, стоимостью всего в 271 рупию, рукописи своих сочинений и бесценное сокровище – собрание уникальных индийских рукописей, впоследствии вошедших в состав первой коллекции Шиллинга фон Канштадта в Азиатском музее Академии наук³⁶.

Испытания продолжались. В феврале 1798 года Лебедев вынужден был сойти на берег на мысе Доброй Надежды из-за издевательств и жестокого обращения с ним со стороны капитана. Он подал жалобу губернатору, но разбирательство окончилось для него безрезультатно. Чтобы заработать на дорогу, Лебедеву пришлось дать пять концертов. 4 ноября 1798 года он отплыл с мыса Доброй Надежды, 3 декабря участвовал в концерте на острове Святой Елены, а 4 февраля 1799 года прибыл в Лондон³⁷.

Казалось, жизнь проверяет его на прочность и верность избранному делу. Интриги вокруг Лебедева не прекращались. В Лондоне он обратился через графа С.Р. Воронцова к Павлу I с предложением опубликовать в России собранную им в Индии коллекцию рукописей и получил согласие. Император обещал напечатать их за казенный

счет, но скоро Лебедев вызвал недовольство Павла несвоевременным ходатайством о награждении Дж. Уайта, принимавшего участие в спасении экипажа русского судна, которое потерпело в 1800 году кораблекрушение у берегов Англии. Немалую роль в осложнении отношений с императором сыграл и донос Я.И. Смирнова о дружбе Лебедева с кружком русских якобинцев в Лондоне³⁸. Дорога домой растянулась еще на четыре года. Не желая терять время, в 1801 году Лебедев издал в Лондоне грамматику калькуттского диалекта хиндустани³⁹.

В октябре 1801 года Герасим Степанович наконец вернулся в Россию, где не был уже много лет, и подал Александру I прошение, в котором описал свои странствия. Он просил императора издать за казенный счет свои труды и переводы привезенных им индийских рукописей⁴⁰. Александр I распорядился напечатать сочинения Лебедева. В январе 1802 года был даже подготовлен императорский указ о присуждении ему звания профессора восточных языков, ему было выдано 10 тыс. руб. на издание книг; однако из-за интриг президента Академии наук барона Николаи это назначение не состоялось⁴¹. 4 февраля 1802 года новым именным указом Лебедеву был пожалован чин коллежского асессора, его определили в Коллегию иностранных дел Азиатского департамента⁴². Вскоре его оформили на должность переводчика. Наконец он получил возможность систематизировать свои рукописи. Испытания не сломили его. Он продолжал неустанно трудиться и в 1804 году на Богадельной улице в Санкт-Петербурге открыл типографию с наборным бенгальским шрифтом. Это была первая и единственная в Европе типография такого рода.

В 1805 году увидело свет его знаменитое «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагменов, священных обрядов их и народных обычаев»⁴³ с посвящением императору Александру

БЕЗПРИСТРАСТНОЕ СОЗЕРЦАНИЕ

СИСТЕМЪ

ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ

БРАМГЕНОВЪ

Священныхъ обрядовъ ихъ

и

народныхъ обычаевъ,

ВСЕАВГУСТЪЙШЕМУ МОНАРХУ

Посвященное.

по Высочайшей волѣ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

напечатано

въ САНКТЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ типографіи Герасима Лебедева.

1805 года.

Титульный лист книги Г.С. Лебедева. 1805

ру I. Космография, астрономия, мифология и религия, древнеиндийский календарь, впечатления об Индии, обычаи индийцев, сведения о торговле – все это было на страницах «Беспристрастного созерцания...», и сегодня, читая этот труд, мы имеем возможность увидеть Индию конца XVIII века глазами русского ученого и путешественника.

Лебедев подготовил к печати «Арифметические восточных Индийцев таблицы <...> заключающие в себе сообразное основание философской и бого-

³⁸ Лепехин М.П. Лебедев Герасим Степанович.

³⁹ The Grammar of the Pure and Mixed East Indian Dialects, with Dialogues affixed, spoken in all the eastern countries... By Herasim Lebedeff. London, 1801.

⁴⁰ Лепехин М.П. Лебедев Герасим Степанович.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагменов, священных обрядов их и народных обычаев, Всеавгустейшему монарху посвященное; собрано на Российском языке и издано жившим в Калкутте Герасимом Лебедевым. СПб.: Типография автора, 1805.

словской Брамгенских Систем числительные правила, служащие объяснением количеств четвероякого рода денег...»⁴⁴ (в этой работе он воспроизвел в русском переводе значительные фрагменты одного из важнейших памятников индийской культуры – Бхагават-гиты). Готовил еще несколько трудов, в частности, «Азбуку брамгенского священного языка, называемого шамкрито (а не санскритский)», «Краткий словарь на бенгальском гражданском и простонародном языках с предложением на русский», «Несколько разговоров, употребительных в общезнании, на гражданском бенгальском и народном индийском языках, преложенных на русский и английский языки...»⁴⁵ и др., но болезнь не позволила ему завершить задуманное.

В 1811 году Герасиму Лебедеву присвоили чин надворного советника, а 1 января 1817-го наградили орденом Святого Владимира 4-й степени⁴⁶.

В марте 1815 года Лебедев по просьбе Г.Р. Державина направил ему записку «О стихосложении Индийцев», в которой рассказал о манере испол-

нения стихов, характерной для индийской культуры, о гармоничной связи поэзии и музыки и т. д.⁴⁷ В архиве Державина есть еще одна записка, автором которой является Лебедев: «Имена отличнейших Индийских Песнопевцев, той свет страны, где еще находятся следы древней мудрости и добродетели»⁴⁸. Герасим Степанович также предоставил Державину, работавшему над трактатом «Рассуждение о лирической поэзии или об оде», первый известный русский перевод с санскрита: «Шлоке Мога Мудгаро. Стихи нравоучительные»⁴⁹ – переложение популярного гимна «Муха-мудгара», приписываемого философу и религиозному реформатору Шанкаре.

В письме к Александру I в конце 1816 года Лебедев излагает причины, которые задержали подготовку к печати его трудов: «поврежденное от долготных трудов зрение, слабость здоровья и бедное <...> состояние, едва служащее к пропитанию»⁵⁰.

Несмотря на все эти трудности и препятствия, он продолжал работать. В 1817 году Герасим Степанович приступил к созданию книги «Систематическая восточных индийцев начальная, умозрительная и существенная основания арифметики...». Он успел завершить лишь первый раздел, посвященный символике чисел в индийской философии и мифологии⁵¹.

Г.С. Лебедев ушел из жизни 15 июля 1817 года. Значительная часть его рукописей так и не была опубликована, и до нас не дошла. Он не оставил после себя учеников. Не сохранился и портрет Герасима Степановича. Казалось, все эти годы в России он жил наперегонки со временем и обстоятельствами... Жена Лебедева, Анастасия Яковлевна, похоронила его на Георгиевском (Большеохтинском) кладбище Санкт-Петербурга. Могила Лебедева не сохранилась. Осталась только мемориальная плита, которая ныне находится в музее городской скульптуры Санкт-Петербурга. На ней высечены строки:

*«...Он первый из сынов Российских
Восточну Индию проник
И, списки нравов сняв индийских,
В Россию их принес язык...»*

Постепенно о нем почти забыли. В 1880 году Ф.И. Булгаков напечатал статью о Лебедеве в «Ис-

торическом вестнике»⁵². В Советском Союзе наследие ученого стало активно исследовать лишь в середине 1950-х годов⁵³.

Сегодня в Индии Лебедева помнят больше, чем в России. В его честь названа центральная улица Колькаты, о нем поставлен спектакль и снят документальный фильм. Но и на родине имя Герасима Лебедева постепенно возвращается из забвения. С 2005 года в Институте лингвистических исследований РАН действует проект «Научное наследие первого русского индолога Г.С. Лебедева (1749–1817): комплексное исследование, подготовка текстов к изданию». Ярославль чтит своего замечательного земляка. В Музее истории города в начале 2008 года открылась постоянная экспозиция, рассказывающая о жизни и творчестве выдающегося русского ученого. К 260-летию Лебедева ярославское издательство «Академия развития» выпустило кни-

гу «Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагменов, священных обрядов их народных обычаев». В 2009 году в Ярославле⁵⁴, Москве⁵⁵ и Санкт-Петербурге⁵⁶ прошли встречи культурной и научной общности, посвященные первому русскому индологу.

Ученые называют Герасима Степановича Лебедева «Колумбом российской индологии». Он работал, надеясь, что его труды послужат достижению «желаемого между народами дружелюбия» и «восстановлению всеобщего и мирного блага»⁵⁷. Так и случилось. Соединив своей жизнью Восток и Запад, он открыл ученым России путь в Индию и доказал правоту древней мудрости, высеченной на колонне царя Ашоки: «Торжествует только Истина». И она действительно торжествует, особенно когда ее поиску и утверждению посвящают всю жизнь...

⁵² Булгаков Ф.И. Герасим Степанович Лебедев – русский путешественник, музыкант в Индии в конце XVIII века // Исторический вестник. СПб., 1880.

⁵³ См. напр.: Воробьев-Десятковский В.С. Русский индианист Г.С. Лебедев (1749–1817) // Очерки по истории русского востоковедения. М.: 1956; Гамаюнов Л.С. Из истории изучения Индии в России (К вопросу о деятельности Г.С. Лебедева) // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1956.

⁵⁴ «Беспристрастное созерцание...» Герасима Лебедева обретает вторую жизнь // Интернет-портал «Музеи России». 2009. 9 апреля; www.museum.ru/N36333.

⁵⁵ «Беспристрастное созерцание...» ярославца Герасима Лебедева // Интернет-портал «Музеи России», 2009. 9 сентября 2009 г.; www.museum.ru/N37671.

⁵⁶ Книга ярославца Герасима Лебедева будет представлена в Санкт-Петербурге // Интернет-портал «Музеи России». 2009. 25 сентября; www.museum.ru/N37835.

⁵⁷ Лебедев Г.С. Беспристрастное созерцание... С. 25.

⁴⁴ Лепехин М.П. Лебедев Герасим Степанович.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Воробьев-Десятковский В.С. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817). С. 62.

⁴⁷ Васильков Я.В. Герасим Лебедев, Г.Р. Державин и первый русский перевод санскрита. С. 78.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 79.

⁵⁰ Воробьев-Десятковский В.С. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817). С. 70.

⁵¹ Там же. С. 68.

Г.С. Лебедев

Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагменов, священных обрядов их и народных обычаев*

Предупреждение

Предприятие узнать Восточной Индии Брагменов системы, священные обряды их и народные страны сей обычаи есть сколь важно, столь и затруднительно.

Важно, поскольку Восточная Индия, кроме ее изобилия и сокровищ, на кои не только Европа, а, может быть, и целый свет завистными взирает очами, есть та первенствующая часть света, из которой, по свидетельству разных бытописателей,

* Цит. по: Лебедев Г.С. Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брагменов, священных обрядов их и народных обычаев. Ярославль: Академия развития, 2009.

род человеческий по лицу всего земного шара расселился и национальный санскритский язык, которой не только с многими азиатскими, но и с европейскими языками имеет весьма ощутительное в правилах сближение. <...>

Затруднительно же сие предприятие потому, что при всех в разные времена покушениях любопытных испытателей не только о брагменских системах, но и свойстве древнейшего их санскритского языка точного сведения по сие время Европа еще не имела, да и в самой Индии ни от кого сих предметов не можно занять, кроме Брагменов, которые на пребывающих там европейцев не иначе смотрят, как на бесчеловечных гонителей или как на презрительнейших своих париев, которые употребляют у них для выносу и вывозу всякой нечистоты из домов и из дворов.

Для меня же сие предприятие было тем затруднительнее, что я до времени своего путешествия своих национальных словесностей пособиями не довольно был снабжен, ибо хотя происхождение мое от рода духовного купно и благородного позволяло мне иметь приличное воспитание, но по насильственному утеснению моего родителя едва мог я по рождении моем в 1749 году через пятнадцать лет научиться национальной тогдашнего времени грамоте и случайно музыкальному искусству.

При всем том, с одной стороны, воспламеняемая ревность к обозрению света, к усовершенствованию природных моих склонностей и к снисканию как для меня, так и для соотчичей моих полезнейших сведений, с другой стороны, очевидный всевышнего правителя судеб промысел невозможное для человека сделали возможным.

Отправлявшееся 1775 года¹ в Неаполь посольство доставило случай выполнить охоту моего странствования, но как посольство к Неаполитанскому двору, с которым я выехал из России, по причине военных действий Венского двора с Прусским оставалось тогда в Вене более года, то я решился продолжать из Вены странствование свое на собственном моем иждивении, надеясь, что музыкальное мое искусство может доставить мне пропитание.

Сию отважную мою и предприимчивую мысль благоснисходительно подкрепили рекомендательными письмами находящийся при Венском дворе российский посол князь Голицын и назначенный таковым же в Неаполе граф Разумовский;

посредством оных имел я случаи при многих европейских дворах удостоиться от великих владетельных и прочих высоких особ благоволения.

По прибытии же моем в Париж в мае месяце 1782 года был я представлен к высочайшим путешественникам, именовавшимся тогда Графом и Графиней Северными, вечно достойной памяти Государю Императору Павлу Петровичу и ныне благополучно здравствующей Государыне Императрице Марии Федоровне.

Лучезарный свет их осенял меня не только в бытность мою в Париже и в Этупе, лежащем близ Монтпельера, но Высокомонаршею своею благодтию сопровождал меня даже до самого Востока, ибо еще на пути моем из Англии в Индию по прибытии в 1785 году августа 15-го дня к городу Мадрасу, пред которым только что успел корабль, именуемый *Родней*, на коем я с прочими плыл, стать на якорь, как тамошний градоначальник уже письменно пригласил меня в оный город через нарочно присланного на боте, где по прибытии определен я был к месту и в прожитии моем там двух лет был за музыкальное мое искусство особенно снабжаем.

Достигнув же достаточного состояния при помощи там живущих европейцев, несколько научился я мальбарскому народному языку, но к распознаванию брагменских наук определить я не мог в Мадрасе, потому что основания оных, писанные духовным их языком, никто из индийцев не был в состоянии истолковать мне на английском языке.

Из Мадраса в 1787 году я переехал в Калькоту, где моя музыка гораздо более обратила любителей оной на себя внимание <...>

Под руководством почетных Брагменов и пандитов (ученых) выразумел я брагменскую азбуку, словарь, грамматику, арифметику, календарь и прочие предлагаемые здесь в краткости предметы; и как я отдавал им справедливость в их знаниях, то сею признательностью получил от них сведения о санскритском языке, иначе называемом *Диб накор* или *Пракрит*, из которого произошли бенгальский язык и *Урия*, и тот общенародный диалект, называемый *Мориш* или *мурс*², употребляемый не только во всей Индии, но и между рассеянными в свете цыганами, происшедшими от племен индийских, воспользовался понятием о древнейших брагменских системах, священных их обрядах и народных обычаях и, на-

¹ Дата указана Г.С. Лебедевым ошибочно. Посольство направилось в Неаполь в 1777 году. Граф А.К. Разумовский был назначен полномочным министром и чрезвычайным послом в Неаполь 1 января 1777 года. До 1776 года он находился в опале и имел право жить сначала в Ревеле, а потом у отца в Батурине. См.: Воробьев-Десятовский В.С. Русский индианист Герасим Степанович Лебедев (1749–1817) // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1956. С. 39.

² Сего диалекта имел я счастье поднести Его Императорскому Величеству грамматику с истолкованием на английском языке. – Прим. Г.С. Лебедева.

конец, нашел, что природные индийцы, по-видимому, согласно с европейцами начинают свое просвещение наукою богопознания, с тем, однако ж, отличием, что естественному предпочитают откровенное.

Они, как и самые правоверные, исповедуют единого истинного Бога, именуемого ими *Брахма*, Творца неба и земли и всех видимых и невидимых тварей. <...>

Бытописатели христианской церкви повествуют, что сей боговедения свет индийцы получили от челоука Евангельского, принесенного к ним апостолом Фомаю, которого гроб и до ныне обретается в иезуитском храме, находящемся в виду моря на берегах Мальбарских, в расстоянии от Мадраса около восьми верст, на высокой горе, называемой Сан-Томас, то есть Святого Фомы, где каждый год в день его совершается народное великое празднество.

Но индийцы весьма упорно настаивают, что все свои познания преемственно получили от самого Творца земной твари через первобытного человека, с течением лет во все потомства его распространяемые, подобно как и китайцы свое происхождение относят гораздо к дальнейшим, нежели мы понимаем, временам. <...>

А как я и в начале, и в продолжение моего путешествия главнейшею целью моих трудов поставлял усовершенствование моих природных склонностей, славу и пользу моего отечества, не отнимая, впрочем, справедливости у той нации, для обозрения которой руководствован я был вечно блаженной памяти монархом, то и назвал я сию книгу *Беспристрастным созерцанием систем Восточной Индии Брагменов, священных обрядов их и народных обычаев*.

<...> Вероятно, что исправнейшие испытатели систем и обычаев индийских жителей найдут и за мною недостатки, как и я нахожу за моими предшественниками, почему и уповаю быть так же извиненным, и что оные не причтутся в вину бурбурстственному путешественнику в пользу отечеству. <...>

Часть первая. Глава вторая. О Святой единосущной и нераздельной Троице

Предположив такое индийцев понятие о сотворении мира сего, довольно ясно ощущаем, что они признают единого истинного Бога, Творца видимых и невидимых тварей.

Но как выше я упомянул, что они признают и Святую Троицу, то по сей самой связи нужно сообщить и то, что они, исповедуя согласно с нами единого Бога, по существу почитают его в трех ли-

цах нераздельно и неслиянно: и как творение, хранение, так и обновление мира сего, — приписывают всей Святой Троице и каждому лицу свое равномогущее полномочие и силу.

Брахма — первое троическое лицо, Творец всей земной твари, иначе именуемый *Рочью Кун*, и составляемое из двух речений: *рочью* (прах) и *кун* (мудрость).

Сему лицу приписывается власть творить из природы в четырех краях света сего человека и все разнообразные существа природы в недрах земли и на поверхности ее, в глубинах вод и в воздухе и вливать во все разнотворенные твари из совокупных элементов в каждую особенные качества, свойственные начальному сложению в *Кальпе*, то есть Хаосе.

Кришна — второе троическое лицо, народно называемое *Кришью*, или *Кришто*, Христос, иначе именуемое *Шотью кун*, составленное из двух именованных: *шотью* (чистый) и *кун* (мудрость), которые совокупно значат *очиститель, ходатай, заступник и спаситель*. Сему лицу присваивается спасение и питание всей твари.

Шива — третье троическое лицо, обновитель, иначе именуемое *Томо кун*, составленное из двух слов: *томо* (тьма), *кун* (мудрость), — совокупно значит *преобразитель*. Сему лицу приписывается правление жизнью и смертью всех во плоти живущих на земле сей по некоторым известным пределам.

Вышепоказанная Троица, по мнению индийцев, имеет единое божество, равную силу и соприсущное величество.

Она особенно изображается ими трилицием, а совокупно с духовным существом, облеченным натурою света, четверолицием; присовокупляя к ней сие духовное существо, означают они неминуемую зависимость от сего триединственного божества всей созданной и управляемой им природы; из-за чего сему четвероличному божеству индийцы делают следующую надпись: *Шри Шри Гори 4, Шоро номо*, то есть Господа Бога Гори, четверолично изображаемого, святое имя.

Часть третья. Глава пятая. О нравах и обычаях индийцев

Из всего выше нами сказанного довольно явствует, что индийцы нимало не похожи на диких и что более имеют справедливости приписать сию укоризну тем, которые жесточайше с ними обходятся, нежели самые кровожадные лютые звери.

Они не похожи на идолопоклонников, а признают такими тех собою надмевающихся нашельцев, которые в жертву ненасытной своей алчности

на обогащение к несчастью рода человеческого пожирают целые государства.

Они признают единого истинного Бога и ранее многих европейцев содержат христианский закон. С тем только различием, что более или менее имеют у себя оставшихся языческих суеверий, которые, может статься, и поныне еще не у одних у них не совсем очищены по причине непрерывных на их край неприятельских нападений, почти насильно побуждающих забыть и саму человечность.

При всех, однако ж, чинимых им притеснениях и тиранствах, при всех вносимых к ним соблазнах удерживают они достойную подражания непреклонность в благочестии.

Странными кажутся для пришельцев аллегорические их изображения, в которые вникать не могут они за неведением первоначального их санскритского языка, но индийцы более имеют права над сими пришельцами издеваться, когда они, хвалясь своим православием, забывают, по-видимому, что и сам Спаситель притчами учение свое предлагал.

Благоговение их к верховному существу уже доказано всеми выше реченными обрядами и праздниками, в воспоминание великих благодеяний Божьих и в засвидетельствование их благодарности установленными.

Данную присягу весьма свято они наблюдают и лучше избирают лишиться чести, имущества и самой жизни, нежели клясться и нарушить клятву, что и собственным опытом мне испытать удалось, когда домоправитель мой *ширкар* (*серкар*) потребован был по жалобе садовника моего к гражданскому суду, якобы не уплатил он принадлежащих истцу сему четырех рупий, которые действительно были заплачены и в книгу мною самим записаны, то он лучше соглашался вторично их заплатить или по строгости коммерческого закона сесть в тюрьму, нежели по принуждению корыстолюбивого судьи омочить руку свою пред ним в воде, принесенной из святой реки их *Ганга*, ибо клятва у них при важнейших случаях обыкновенно совершается по изречении клятвенной формы омочением перстов в сей воде.

Родители почитают себе за великий стыд оставить дитя свое невоспитанным в законе Божьем и, не пропуская нимало способных к обучению лет, отдают их в учрежденные для сего в некоторых местах общественные, а больше в вольные

училища, каковых не только в городах, но и по селам весьма довольно имеется.

Дети из пределов повиновения и почтения к родителям выходить не смеют под опасением строгих наказаний.

Сему подобный наблюдается порядок между начальниками и подчиненными, между хозяевами и служащими, между старшими и младшими.

Но как выше мы уже упомянули, что каждого класса чины не имеют обычая из одного в другой род жизни переходить, то брагмены и все духовенство стараются научать своих детей глубочайшим познаниям, как-то закону Божьему, грамматике, риторике, философии, математике, физике, астрономии, астрологии и прочим важнейшим познаниям, и по сему в их роде более ученых, нежели в других классах, отыскать можно.

А сие доказывает, что системы и нравы индийские не суеверными какими-либо управляются преданиями, но основанными на откровении и на здоровом рассудке правилами.

Чины военные *Киатриев*, хотя и различным образом от европейцев, но по древнему обычаю приспособляют также своих детей к свойственному им воинскому упражнению.

А письмоводители *Коити* приучают детей своих к судебным делам, также и *Шодокар лок*, то есть купцы, приготавливают детей своих к домашней и к взаимной с другими нациями торговле.

Прочие же промышленники каждый к своему промыслу и рукоделию заблаговременно приучают и тем самым подкрепляют непоколебимость своего состояния, от которого получают они самодовольное состояние.

В рассуждении сих классов нужно здесь заметить и то, что каждый из них старается потомкам своим оставлять сделанные в жизни письменные на промысел свой общепользные замечания, сообразуясь которым они постепенно один другого примером и наставлением усовершенствуются.

От кровопролития индийцы так удалены, что не только животных, но и пресмыкающихся и насекомых убивать почитают за грех, из-за чего никогда они не употребляют ни мяса, ни рыбы, а довольствуются только земными произрастаниями и плодами. <...>

Первосуществующие природные индийцы любят много чистоту и опрятность и как перед столом, так и после оного умываются и каждый день два раза купаются в реке *Ганг*. <...>

Меморандум

Записка Г. С. Лебедева о его жизни и деятельности в Индии*

Не ранее февраля 1797 г.

<...> В 1789 г. я впервые обратился [за помощью], но, к моему великому огорчению, в течение двух долгих лет я не мог встретиться с таким пандитом (или переводчиком), который хотя бы смог объяснить санскритские буквы, употребляемые для бенгальского языка (иначе называемые практиком или бхаша Бгаша) и не смог также получить сколько-нибудь значительной помощи из книг. Поэтому я решился было совсем бросить свое намерение, но в это критическое время мой серкар¹ представил мне учителя из бенгальцев по имени Шри Голокнат Даш², который хорошо знал

одинаково бенгальский язык и смешанные индустанские наречия (жаргон) грамматически, а также достаточно понимал и священный санскритский язык. Что было особенно удачно, так это то, что он не меньше желал обучиться музыке у меня, чем я индустанским языкам у него. Мы начали на следующий же день после нашей первой встречи, и на мой вопрос, какой из языков наиболее употребителен в восточных странах³, он ответил, что, по его мнению, более распространенным является смешанный говор, но не существует даже подобия ни азбуки, ни грамматики его – так острожны и своекорыстны все пандиты и брахманы.

* Перевод с англ. Цит. по: [Лебедев Г. С.] К истории русско-индийских культурных связей. Из тетрадей Г. С. Лебедева (1795–1797 гг.). [Публ. и прим. К. А. Антоновой] // Исторический архив. 1956. № 1. С. 164–168.

¹ Слово «серкар» Лебедев переводит как «управитель». Имеется в виду индеец, который ведет дом европейца, нанимает ему слуг и т. д.

² Имеется в виду Голокнатх Дас. «Шри» – уважаемый, слово почтения, обычно так называют человека ученого.

³ Под «восточными странами» Лебедев понимал Ост-Индию. То же ниже значит «восточный мир».

Поэтому он усердно советует мне заняться санскритской азбукой, поскольку это – золотой, все открывающий ключ к неопределенным сокровищам восточных наук и знания.

Я настойчиво, в течение многих лет, продолжал изучение пяти частей азбуки и, расположив их в наиболее удобном порядке, откровенно представил свой труд некоторым выдающимся пандитам, которые, к моему большому удовольствию, похвалили мое усердие в деле, до сего времени столь темном и которое, как я им прямо внушал, было со своекорыстной целью и поджигательной помощью слепых предрассудков, по крайней мере, замаскировано, а по возможности, и полностью скрыто от всего мира, кроме них самих. После этого я перевел словарь и составил несколько диалогов на разные темы как на бенгальском, так и на индустани и утешал⁴ себя надеждой, что вскоре я смогу разговаривать. Однако тут я очень ошибся, потому что я не понимал общеупотребительных говоров. Я открыл, что они происходят от бенгальского санскрита и дабе нагри⁵, и это меня побудило написать грамматику их, чтобы самому понять разницу. Я сделал это и установил те говоры, которые присущи группам, занимающим разное положение в жизни, и нашел, что как диалект высших, так и низших повсеместно пишется санскритскими буквами, и на высшем и низшем смешанном диалекте говорят во всем восточном мире. Прюделав эти изыскания, я перевел две английские пьесы: «Притворство» (в сильно сокращенном, по сравнению с оригиналом, виде по невозможности заполнить все роли на первое время) и «Любовь – лучший врач» на высший бенгальский язык. <...>

Когда я закончил свой перевод, я пригласил нескольких ученых пандитов, которые несколько раз очень внимательно прочли мой труд, и я тогда мог наблюдать, какие фразы показались им наиболее приятными и возбудили их чувства. Если я не обольщаю себя, при переводе смысл и комических и серьезных сцен еще много усилился, чего тщетно стал бы добиваться какой-либо другой европеец, не имеющий преимуществ быть обучаемым таким учителем, которого мне так удивительно повезло заполучить при помощи заключенного нами торжественного договора о взаимном обучении, помимо его ежемесячного жалования, которое этот бенгалец считал очень выгодным для себя и на которое он радостно согласился.

После похвал пандитов Голокнат Даш, мой лингвист, предложил мне: если я захочу публично поставить эту пьесу, он берется обеспечить меня туземными актерами и актрисами. Я был чрезвычайно доволен его идеей; не теряя времени, я посоветовался со своими друзьями, но они настаивали, что для меня не только опасно, но и ненадежно следовать этому намерению ввиду обиды, которую это нанесет гордому, высокомерному директору театра Компании и многим заинтересованным в этом театре владельцам его, которые, естественно, приведут в движение все пружины, чтобы помешать моим намерениям в таком деле, каковое может отвлечь внимание публики от их театра и лишить их того золотого урожая, который они до того беспрепятственно присваивали себе. Однако, твердо решив следовать своему плану несмотря ни на что, я немедленно обратился к генерал-губернатору сэру Джону Шору⁶ с просьбой о законном разрешении на открытие театра, которое и было мне без колебания выдано. Подкрепленный этим и горящий нетерпением представлять пьесы, я построил, по собственному плану, вместительный театр на улице Домтолла (Дом-стрит) № 25 в центре Калькутты, и я даже просил об аренде театра Компании, пока мой не будет готов, но вместо того, чтобы согласиться на мое предложение, они повсюду в частном кругу насмеялись над тем донкихотским планом (как они его называли), которому я собирался следовать, еще до того, как я успел представить публике свою пьесу и пренебречь критикой моих противников.

Поскольку столько препятствий было намеренно поставлено мне на дороге, я смог лишь с большими трудностями заполучить актеров, но в конце концов нашел их при помощи Голока, однако был вынужден платить им жалование за много месяцев до того, как я смог воспользоваться их услугами.

После первого и второго представления «Притворства», которые прошли при переполненном театре, я получил полное разрешение представлять пьесы как на бенгальском, так и на английском языке, что привело в такую ярость как директора, так и некоторых владельцев [театра], что они не останавливались ни перед чем, стремясь помешать моему быстрому продвижению <...>

В оформлении материала использованы картины английских мастеров XVIII – начала XIX веков с видами Колькаты и Мадраса

⁴ Над словом вписано: «льстил».

⁵ Дабе нагри, то есть деванагари, наиболее распространенный из индийских алфавитов.

⁶ Джон Шор (у Лебедева Иван Шор) – с октября 1793 по 1798 год генерал-губернатор Индии, после смерти Вильяма Джонса – председатель Бенгальского азиатского общества.